

Алгебра Слова

СТРУНЫ
ПРОСТРАНСТВА

Алгебра Слова

Струны пространства

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41679843

Струны пространства: Accent Graphics Communications; Montreal; 2018

Аннотация

Жизнь главного героя Никиты почти ничем не отличается от обычной жизни любого человека. Все практически как у всех. Детство, юность, зрелость... – одно лишь отличие: эти три поры не сменяют друг друга последовательно, они существуют одновременно в сознании Никиты. Так оно играет свою мелодию на струнах пространства: горе, радость, любовь, разлука, бессмысленность, мечта. Нелегко дастся Никите этот путь. Путь к настоящему счастью, где он встретит тех, кого потерял.

Содержание

Пролог (дополнение к пяти главам романа)	5
Глава 1	9
Глава 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Алгебра Слова

Струны пространства

14 февраля 2018 года – Тебе, моя любовь.

Пролог (дополнение к пяти главам романа)

*За день до счастья.
Никогда не знаешь, что ждет тебя завтра.
Берегись его и жди его.
Или ничего не делай.
Оно все равно наступит.*

У меня скверный характер. Так считают окружающие, и я с ними согласен.

Виной тому могут быть отсутствие памяти или скрытое одиночество. Вернее, не одиночество, а душевная пустота. Она ускользала от меня, когда я работал, а вот дома укрывала своим тревожным одеялом. Я не знал, куда себя деть и чувствовал себя чужим в этом огромном мире. А может быть, я таким был с рождения, не знаю.

Квартиру я нарочно покупал на окраине города в тихом районе. Поскольку жизнь моя после недавних событий предполагала частые и длительные отъезды, то бывая дома, мне хотелось покоя и тишины. Окна выходили на лесополосу. И вечерами насыщенный и притихший воздух заглядывал ко мне, деловито выгоняя табачный дым прочь.

Прошло совсем немного времени, и лесополосу, уходя-

щую к горизонту, бесцеремонно сдвинули градостроители. Появились новые многоэтажки, между которыми угнездились детские площадки, а за домами асфальтовыми лентами пролегли дороги. Данный факт меня приводил в бешенство, а квартиру я менять не хотел. Я только недавно довел ее до совершенства. Дело не в деньгах, а во времени, которое опять придется тратить на доведение жилища до максимального комфорта.

Я курил на балконе, а внизу дети начали играть в мяч, который с глухим стуком бился о металлическую сетку огороженной волейбольной площадки. Я нехотя закрыл балкон, потому что любил, чтобы балконная дверь и окна в квартире были приоткрыты в теплое время года и ночное время суток. Но, при этом тишина была мною желаемая так же, как и уличный воздух.

Расположившись в кресле, я щелкнул пультом – бесшумный кондиционер погнал прохладу. Я закинул ноги на журнальный столик. Ключи, недовольно звякнув, упали на пол. А за ними полетела и барсетка. Из нее вывалился паспорт. Мой паспорт.

Не снимая ног со столика, я нагнулся и поднял документ. В сотый раз полистал. Фамилия, наверное, не моя, отчество, наверное, тоже. Мне осталось только имя. Хотя, я и в этом не уверен.

Прошлого я почти не помнил. Мутные, расплывчатые, обрывистые куски, точно лохмотья памяти. Больше они похо-

жи на иллюзорные «следы»: я в больнице, смотрю в окно; сижу за партой, достаю ручку из деревянного пенала; бегу за машиной скорой помощи и плачу; люблю, кого не знаю, но чувство помню, щемящее, всепоглощающее; боль разлуки сдавливает грудь – нет смысла перечислять эти образы и ощущения. Их переживает каждый человек. Они могут быть неправдоподобны, точно сны.

И чтобы самому себе не воображать того, чего не было, лучше успокоиться и ждать, когда я все вспомню сам.

А пока остается только гадать, кто мои родители, есть ли у меня брат или сестра, была ли у меня жена и дети, и где я жил раньше. Ищет ли меня кто-нибудь?

А, впрочем, наплевать. Мало ли чего таит мое прошлое, может, и не стоит его вспоминать? Я приобрел новых знакомых, у меня появилась интересная работа...

Что мне до прошлого, если впереди у меня будущее, и можно жить?

Катя говорит, что так даже лучше – без прошлого, ни тебе грусти, ни сожаления, ни каких-нибудь комплексов или угрызений совести. Потому что ни один человек безгрешно по земле не пройдет, обязательно наследит так, что самому противно станет, утверждает она. Музыкант с ней согласен. Странная они пара. Сергей – другой, но очень закрытый. Занят только работой. Но он, по-моему, в ней от мира скрывается, который признавать не хочет. Но свойский парень, хороший. Соломон – мировой мужик, нравится мне. А вот

Коростылев темнит, не хочет ничего мне рассказывать. Ох уж этот Коростылев – экспериментатор чертов...

Посторонним я стараюсь не распространяться о том, что ничего не помню. Не люблю, когда в душу лезут, особенно, если в ней ничего нет.

Я отхлебнул виски. Снова перед глазами зеленая тетрадка. Вижу ее клеенчатую обложку, свой размашистый почерк. Помню, что писал в нее ночами за письменным столом под настольной лампой, и ждал кого-то. По ногам в открытую балконную дверь дул летний теплый ветер. Или промозглый осенний? Что, интересно, я в нее записывал? Но где же теперь найдешь эту злополучную тетрадь?

Я повертел в руках телефон: «Надо завтра поменять. Уже новая модель вышла».

И швырнул его в стену.

Полбутылки виски через пару часов все-таки сыграли обманчивую роль снотворного.

Никогда не знаешь, что ждет тебя завтра.

Никогда не угадаешь, какие поступки прошлого рисуют его.

Никогда не будешь к нему готов.

Глава 1

Даня

– Никитка! – еле слышно простонала бабушка с постели. – Вызови «скорую», Никитка, плохо мне...

Я откинул одеяло и бросился в коридор к тумбочке, на которой стоял телефон. Меня трясло от страха, и я никак не мог дрожащими пальцами докрутить цифры «0» и «3» до конца диска.

Не помню, как назвал адрес, имя бабушки и возраст, но громко кричал в трубку:

– Скорее! Скорее!

Вернувшись в нашу с бабушкой комнату, я включил свет и кинулся к железной кровати. Бабушкины веки были закрыты, а уголок рта неестественно опустился. На мои крики бабушка не отзывалась. Я метнулся к стулу, натянул штаны и свитер. Заревел от страха.

Бабушка не шелохнулась.

Приехавшие врачи топали по чисто вымытому полу грязными ботинками, от чего мне стало еще тревожнее. Я путался у них под ногами, слушая незнакомые мне слова из их речи. Потом они спустились за носилками. Тут я и вовсе при-

шел в ужас.

За машиной скорой помощи я мчался до перекрестка, пока белый автомобиль с красным крестом не скрылся из виду.

Где находилась больница, я не знал, иначе бежал бы до нее.

К бабушке. Единственному в мире человеку.

Домой она не вернулась. Я ждал долго. Не выходил из квартиры, чтобы открыть дверь, если бабушка вернется; постоянно подбегал к телефону и проверял, не пропала ли связь, на случай, если бабушка позвонит; каждое утро мыл полы, чтобы бабушка обрадовалась чистоте; перестилал покрывало на ее кровати, разглаживая складочки руками. То и дело перекладывал на письменном столе ее книги, но книжки были разного размера, и стопки все равно выглядели неаккуратно.

И подолгу глядел в окно, за которым росла большая береза. До самой темноты. Береза грустила вместе со мной, тонкие ее ветви печально свисали вниз.

– А где находится больница? – не выдержав, я все-таки покинул свой пост и вышел во двор. На скамейке возле подъезда сидели женщины.

Тетка Зина, соседка по дому, с откровенной жалостью посмотрела на меня и протянула отломленную горбушку свежей городской булки.

– Какая? – переспросила другая соседка, шамкая беззубым ртом.

– Больница... – смешался я. – Куда увозят.

– Дык, их пять в городе. Зачем тебе? – поинтересовалась старуха.

– Сдать его в милицию, что ль? – задумчиво пробормотала тетка Зина. – Нечай, определяют куда-нибудь.

– Ты говори, да не заговаривайся. Чего удумала, чужое дитя от крови отрывать? Мать вернется, и все наладится, – уверенно ответила старуха.

– О-о-о, – простонала тетка Зина в ответ. – Отец-то его во всех пивных уже отметился. Домой-то он как приползает? Вот погожу немного, и пойду, куда следует.

– Мать образумится, – стояла на своем старуха. – Все-таки дите будет, не даст гулять.

– Да кого они родить могут? – брезгливо поджала губы тетка Зина. – Дурака только.

Тетка Зина, видя, как жадно я набросился на хлеб, достала из авоськи оставшуюся половину булки.

Я толком не понял, о чем они говорят, но меня начали душить слезы. Мне пришлось ретироваться в подъезд, потому что я не хотел, чтобы подходящие знакомые дворовые мальчишки увидели, как я разревусь окончательно. Так я и не успел сказать соседкам, что ищу бабушку, а не мать. К тому же меня обидели слова про дурака, которые я отнес к себе.

...Бабушка, до недавнего времени преподававшая физику в школе, наоборот восхищалась мною.

Мы делили с нею одну комнату на двоих. Справа от ок-

на стоял письменный стол. Слева – бабушкина кровать. За нею – трехстворчатый платяной шкаф. И у противоположной стены от окна – моя кровать. Табуретка и стул... – вот и все убранство.

Я любил книги, полные таинственных закорючек и знаков. Когда бабушка садилась вечером проверять тетради, никакими силами невозможно было уложить меня в постель. Я подтаскивал табуретку к письменному столу и смотрел на мелкие клеточки, в которых те самые закорючки из книг выстраивались в длинные неровные ряды. Естественно, я совершенно не понимал, что загнутая палочка в тетрадке каким-то волшебным образом связана с розеткой над моей кроватью, но я довольно быстро научился находить лишние закорючки в строчках ученических тетрадей.

– Зрительная память хорошая, – улыбалась бабушка. – Вот начнешь понимать, тут и откроется тебе удивительный мир, который еще не познан до конца.

– Я понимаю, – многозначительно кивал я и тыкал карандашом в тетрадь. – Подкова – напряжение, буква «а» – работа, палка – ток.

– Сила тока, – поправляла меня бабушка.

– Сила. Еще какая сила, – повторял я, с опаской оглядываясь на розетку. Однажды я в темноте пытался воткнуть вилку настольной лампы и попал в розетку пальцами. Передернуло меня тогда страшно, по всему телу прошла волна. Зато я понял, что это за сила.

Я все ждал того момента, когда мир распахнется, откроется, как обещала бабушка. Но он никак не расширялся, и по-прежнему состоял из закорючек в книгах, двух чашек остывшего чая, вазочки с твердыми пряниками, которые не откусишь, и настольной лампы, ярко освещающей половину письменного стола. И, конечно, бабушки, которая, к моему разочарованию, быстро гасила свет и переносила меня в кровать, приставляя рядом табуретку, чтобы я не упал.

Настольная лампа потом частенько зажигалась вновь, но я, собираясь слезть с кровати, нечаянно засыпал против своей воли.

Утром бабушка отводила меня в детский сад, а вечером забирала. В выходные мы с нею очень много гуляли. Чуть ли не целый день. Бабушка брала с собой термос с горячим чаем и заворачивала бутерброды, картошку в мундире, огурцы или помидоры. Мне очень нравился черный хлеб с подсолнечным маслом и солью, в который бабушка втыкала крупинки чеснока. Получалось похоже на любительскую колбасу. Только загорелую.

Летом гулять мне нравилось, а вот зимой я замерзал и просился домой. Но бабушка умело заговаривала меня и вела в кафетерий, где покупала вкусные кексы. Бывало, что мы просто катались на трамвае или в теплом автобусе, бабушка рассказывала истории или сказки, а я, прислонившись к ее руке, думал, почему мы так долго едем. Часто ходили мы с ней и в цирк, и в театр, и на выставки, иногда на одно и то же

по несколько раз, но домой неизменно возвращались только к позднему вечеру в нашу маленькую и уютную комнату...

Эмиль

С Эмилем, моим коллегой, мы запускали очередную экспериментальную установку для генерирования переменного тока промышленной частоты. Пятая попытка могла опять обернуться неудачей.

...Последнее время мы вечно трудились над безумными идеями Эмиля. В этом ему не было равных в нашем научно-исследовательском институте. На десяток его провалов одна-две идеи каким-то чудом срабатывали. В итоге нас года три или четыре назад отстранили от основной работы, позволив заниматься тем, что с завидным постоянством приходило Эмилю в голову. Я, в отличие от него, идеями не блистал, горячим энтузиазмом к работе, впрочем, тоже. Да, что-то меня могло заинтересовывать, а что-то я выполнял механически. Эмилю я был нужен исключительно из-за своей феноменальной памяти. Вся информация из книг, тысячу раз разглядываемых мною в детстве на письменном столе бабушки, изученная в школе, пройденная в институте фантастическим образом хранилась в моей голове. Я досконально мог воспроизвести любую таблицу, любые коэффициенты, любые формулы и доказательства.

Как и пророчила бабушка, память оказалась лишь зри-

тельной. Но это ни мне, ни делу не мешало. Я за секунду мог найти ошибку или неточность в обоснованиях Эмиля, и продолжить правильный ряд «детских закорючек». Для Эмиля я был ходячей и мгновенной энциклопедией...

Было за полночь, когда мы, уставшие после второй бессонной ночи, снова и снова записывали показания и производили расчеты. Эмиль был веселым молодым человеком и заражал своей энергией, поэтому я на такие мелочи, как сверхурочная работа, порою без выходных, внимания не обращал. С Эмилем было комфортно и в кафе, и в лаборатории. С ним время летело интересно и незаметно.

– С этим могли бы и лаборанты справиться, – заметил я, записывая очередные отклонения и потирая побаливающие от напряжения виски.

– Ты понимаешь, какая штука, – зашептал Эмиль, капилляры в его глазах от утомления лопнули, и белки выглядели болезненно красными. – Впрочем, я позже скажу.

– Ну что еще? – я взглянул на него. – Снова неудача? Но ты, как истинный борец, пойдешь до конца неверного пути, чтобы удостовериться, что никакого шанса нет?

– Параллель, – отозвался он.

– Мне б руки с ногами параллельно сложить и уснуть, – обреченно ответил я.

– В конце неверного пути может найтись такая точка, которая, при правильном рассмотрении, даст направление на правильную параллель.

– Эй, точечник! – не выдержал я. – Диаграмму давай и хватит. Высчитываем среднюю, признаем, что это самая неудачная параллель из предыдущих четырех, и идем домой. В следующие трое суток меня не будить. Вырву телефонный провод, приварю дверь, а в уши натолкаю каменной ваты!

– Угу, – неожиданно покладисто ответил Эмиль. – Среднюю я вывел уже. Амплитуда колебаний постоянна, и можно сворачиваться.

– Какого черта тогда мы тут высиживали?! – взорвался я.

– Яйца высиживают, а не чертей, – Эмиль перенес последние показания в журнал, опустил несколько рычагов и отключил аппараты от сети.

– Связался я с тобой себе на погибель, – я собрал журналы, бумаги, чертежи и понес их в шкаф, пока Эмиль продолжал недвижимо стоять около аппаратов. Я уже превосходно знал, что в такие моменты, когда он замирает подобным образом, его мозг отключается от реальности, впуская в себя новую идею. И не успеет наступить рассвет, как у меня зазвонит телефон, а в трубке захлебнется от восторга голос Эмиля.

– Здорово, полуночники! – заглянул к нам пожилой полноватый мужчина. Волосы с проседью зачесаны назад, круглое лицо с неглубокими морщинами. Академик преподавал биологию и химию на моей кафедре, когда я учился в институте. Сейчас же мы работали по соседству. Половина здания была отдана под его ведомство психиатрии, биоло-

гии и вирусологии, половина – нам, физикам. Нас разделяла только лестница центрального входа. Налево к ним, направо – к нам. На очередном субботнике молодые лаборанты перепили спирта, которого в левой половине водилось достаточно и чего-то не поделили, думаю, того же спирта, с правыми. В итоге стены центрального холла и коридоров здания двух весьма серьезных научных исследовательских институтов оказались окрашены в разные цвета: желтым – слева, и фиолетовым – справа. Ступени лестницы также постигла участь разделения на два цвета. Лаборанты лишились зарплаты за месяц со строгим выговором, но стены никто, несмотря на крики руководства, не собирался перекрашивать. Мало того, на стенах нередко появлялись нехорошие слова или угрожающие знаки, написанные, соответственно, либо фиолетовой краской на желтом фоне, либо желтой – на фиолетовом.

Эмиль не откликнулся, стоя у приборов.

– Привет, – кивнул я. Хотя академик и вошел сто лет назад в пору глубоко солидного возраста, но настолько он был чудаковатый и свойский, что к нему практически все, еще со студенческой скамьи обращались на «ты». – А сам-то?

– Тоже задержался, – подтвердил академик, приглаживая назад седые волосы. – Думал, уходить или чаю крепкого выпить и остаться еще на пару часов. Увидев у вас свет, решил наведаться.

– Ты лучше изобрел бы чего ото сна? Таблетку или микс-

туру? – попросил я. – Это вы, пламенные энтузиасты, готовы ни спать, ни есть, а мне летальный исход при таком режиме обеспечен.

Эмиль наконец повернулся. Волосы у него были темные, густые, короткие, но чуть выующиеся. Глаза светло-карие, а когда он задумывался, то они желтели, точно в них кто-то огонь зажигал. И сейчас стало отчетливо видно, что желтый оттенок проник в радужную оболочку.

«Все. Загорелся чем-то», – констатировал я и мысленно поблагодарил зашедшего академика. Эмиль при чужих не любил распространяться, иначе бы он, не сходя с места, начал бы изложение своей задумки, которое, естественно, затянулось бы до утра.

– Ты к нам не с пустыми руками? – весело спросил Эмиль у академика. – К чаю принес что-нибудь?

– Завалился тут у меня кусочек сахарку, – засмеялся академик, вытаскивая из внутреннего кармана пиджака металлическую фляжку. Поставил ее на свободный край заваленного чертежами стола. – И перебродил в кармане.

– Тащи посуду, – скомандовал мне Эмиль.

– Да вы что?! – поразился я. – Неужели спать неохота?

– Час ночи всего лишь, – Эмиль сам метнулся к шкафчику. – По стаканчику и домой. Надо отметить завершение эксперимента.

– Поздравляю, поздравляю! – добродушно закивал академик.

Вздохнув, я поплелся к шкафчику, достал краюху хлеба и банку шпрот. Сухой паек у нас с Эмилем имелся часто, поскольку о еде мы могли вспомнить только тогда, когда начинало сводить животы, а еды взять было уже негде.

– Не с чем, – беспечноотреагировал Эмиль, как будто не он убил пять месяцев на этот прототип установки. – У нас неудача.

– Что ж, бывает, бывает. Опыт прибывает, – не расстроился и академик.

– А деньги убывают, – продолжил я, отодвигая чертежи и расстилая газету на столе. – Четыре зарплаты угрожали на мелочь, которую институт достать не может. У барыг добывали заграничные приборы, так и в тюрьму недолго попасть. И пять месяцев жизни пролетело.

– А чего больше жалко? – внимательно посмотрел на меня академик, открывая консервы и нарезая хлеб. Эмиль разлил по паре глотков жидкости из фляжки.

– Не знаю, – честно ответил я. Мы выпили. – Логически, наверное, жизни. Если она была бы вечная, то денег потерянных не жаль. Не последние, как-никак.

Эмиль разлил еще. Его ничто не беспокоило: ни деньги, ни жизнь – он сам себя не беспокоил. У меня сложилось впечатление, что длилось бы его воплощение идеи и лет тридцать, то он также вот спокойно сидел бы после и говорил: «Да, таким образом не вышло. Надо, значит, по-другому».

– А вообще, – задумался я. – Жаль, что зря.

– Не зря, – возразил академик. – Это же опыт, я повторяю. Ошибка. Ее кому-то нужно допустить, чтобы другие не повторяли.

– Конечно! – с радостью подтвердил Эмиль.

– Другие? – взвинтился я. – А какое мне дело до других?

– Здрасти, – укоризненно протянул академик. – Все человечество так и живет, накапливая знания. Ты же пользуешься их открытиями и достижениями. Чужими, по сути. Так растут цивилизации.

– Мне все равно нет дела до других, – буркнул я, закусывая. – Они растут и пользоваться будут, а я? Винтиком поработал в системе, срок годности истек, и поминай как звали?

– Ты знаешь, зачем Герасим Муму утопил? – спросил Эмиль.

– А он ее утопил? – уточнил я, смутно припоминая произведение школьной литературы.

– Да.

– Велели ему, вот и утопил, крепостной он был, – ответил я, не понимая к чему Эмиль клонит.

– А Тургенев зачем про это написал? – Эмиль зашелся от хохота.

– Действительно, зачем? – я растерянно посмотрел на Эмиля, перевел взгляд на академика. – Так писатель он был, писать-то надо было о чем-то. Вот и написал о любви.

– Какой любви? – Эмиль не на шутку развеселился.

– К собаке, – я смущенно завернул пустую консервную

банку в газету. – Не знаю я. Может, просто описал нравы того времени, отношения крепостных и господ. Отстаньте. Домой поехали.

– Забавные вы, ребята. Молодые. Молодость, она – вещь такая, славная. Время, когда уже не хочешь вырасти, но и о старости еще не задумываешься, то есть уже не торопишься в будущее, и еще не сожалеешь о прошлом, – академик встал. – Пожалуй, пора и честь знать. А все же, Никита, почему же тебе жаль в развитие человечества внести свой вклад?

– Потому что для человечества. Оно разовьется, а я – нет. Нет во мне благородства!!!

– Нет и нет, – мягко прикоснулся к моему плечу Эмиль. – Не кипятись. Я тебя прекрасно понимаю.

– Вряд ли. Ты у нас душа человечества! – отрезал я. Мы спустились к выходу по желто-фиолетовой лестнице. Я или мало разбавленный спирт во мне решили все-таки доказать остальным, что в альтруизме ничего благородного нет. Альтруисты действуют вовсе не вопреки собственным интересам, а исходя из них. Потому что хотят так поступать, а не потому что это полезно или хорошо для другого. Мысли мои бесповоротно запутались на середине своего полета, и я не смог их додумать и выразить, но обратился к академику: – Вот ты! Ты должен понять! Жизнь прожил, лекарства понаизобретал, на мышках понаиспытывал, пару-тройку вирусов искоренил, прививку, может, придумал. И что? Теперь что? Ходят молодые и радуются. Любят друг друга и таблет-

ки твои глотают, чтоб меньше болеть. А ты? Тело состарилось, органы то тут, то там болят, а то и вовсе вскоре откажут! На женщину смотришь – разве не хочется тебе? А ведь, не можется, верно? Так, воспоминания только. И те – блекнут!

– Эмиль, ты до дома его доставь, а то мало ли что. Подустал парень. Надо было развести до меньшего градуса, – академик застегнул пиджак, зябко ссутулив плечи.

– Невежливо говорить обо мне в третьем лице!!! – возмутился я.

– Идите, третье лицо, проспитесь, – снисходительно улыбнулся академик и крикнул в темноту двора: – Николай! Доставь мальчишек, я пройду пешком.

Академик быстро скрылся по короткой липовой аллее за угол здания. Несмотря на пожилой возраст и избыточный вес, академик был всегда бодр и неутомим. И сейчас удаляющиеся шаги своим звуком в ночной тиши выдавали вполне жизнерадостного и энергичного обладателя походки.

– Чего ты на него взъелся? Оскорбил старика. Разве можно о таком говорить в лицо? – Эмиль был немного растерян и расстроен.

– Какая разница, в лицо или не в лицо. Я пример привел, почему мне за человечество не радостно. Ему радостно, что ли? Он своим таблеткам и болезням радуется, то есть тому, что у него осталось доступно для положительных эмоций. А вовсе не за человечество радеет. Вот так.

– Все это демагогия. А вот ты сейчас бесцеремонно человеку сделал, скорее всего, больно, – с грустью сказал Эмиль. – У меня вопрос: за что?

– Отвали, – я так и не нашел в себе никакого раскаяния, зато обнаружил в себе обиду, что Эмиль или академик не причинят другому вреда словами ли, делом, а я вполне могу не сдержаться. Обидно сделалось, что я не такой, как они. И мне показалось это несправедливым: почему я не могу чувствовать тоже, что и они? Эмиль понял мое состояние, и всю оставшуюся дорогу молчал. За годы совместной работы мы научились чувствовать и принимать друг друга. Он не осуждал меня сейчас. Мы просто ехали домой после нескольких тяжелых трудовых дней.

– Остановите здесь, – сказал я, когда машина приблизилась к моему дому. – Спасибо.

Эмиль выбрался из автомобиля вслед за мной.

– Ты куда собрался? У меня Марина дома, – остановил я его.

– Мне поговорить надо, – сказал Эмиль, когда водитель уехал. – Вспомни первую неудачу с этим прототипом.

– И что? – я мгновенно восстановил в уме диаграмму данных двухлетней давности.

– Мы дискретно вычисляли. Разброс большой брали. Выборку ничтожную сделали.

– Это мало влияет, – вяло отмахнулся я. – Меньше времени затратили.

– Сегодня мы закончили не пятую неудачную попытку. А первую. Я брал именно те промежутки, которые тогда нам казались незначительными.

– Не понимаю тебя, – у меня слипались глаза от усталости, а любая информация вообще перестала обрабатываться мозгом, который жаждал полнейшего отключения, желательно на удобной подушке.

– Совмещай в башке своей две диаграммы! Первую и пятую! В одну! – выкрикнул Эмиль, потом осекся и понизил голос. – Плавающее отклонение какое? Какое, я тебя спрашиваю?!

Я через пару секунд пораженно вымолвил:

– Постоянная величина получается.

– Вот.

Я закурил.

– Когда мы квартиры от института получили? После того, как расписались в неудаче. Машину служебную нам дали, оклад подняли. Премию выплачивают регулярно. И давайте, ребята-дураки, дальше изыскивайте. А мы за вами последим, да все, что нужно, прикроем. Или продадим. Ты представь, насколько экономнее стало бы генерировать ток? И где это все? Никаких трудов, никаких внедрений я не вижу. В комиссии не идиоты сидят, они, конечно же, все поняли. Но нас за баранов держат.

– Вот и радей за человечество, развивай его, строй цивилизацию, – позлорадствовал я. – В нашем государстве это

точно не прошло. За бугор куда-нибудь отдали твою идею. Порадуйся за какие-нибудь чужие электростанции. Давай же, гений!

– Не радостно, что-то, – сознался Эмиль упавшим тоном. – Иди, отсыпайся.

– Что ты будешь делать? – с тревогой спросил я Эмиля. Мне неожиданно подумалось, что, если он «взбрыкнет» и начнет докапываться до истины, то ему несдобровать.

– Не знаю, – потер он переносицу. – Спать пойду. Как по рукам треснули, ничего делать неохота дальше. Почему все нечестное такое, а?

– А зачем Герасим Муму утопил? – совсем не к месту вспомнил я.

– Чтобы свободным стать. Мне сейчас тоже хочется свое дело утопить и больше к нему не возвращаться. Чтобы потом руки не опускались, и душа не болела. Но человек без привязи, что веревка в поле. Так и норовит за что-нибудь зацепиться. А мне больше и не за что.

– У тебя родители, жена, дети, – опешил я.

– Это фон, – признался Эмиль. – Как течение в море. Есть оно и есть. Нет его и не надо. Понесло, как щепку с рождения, вот и плыву. У меня только мой ток был. И все. Пока.

Плотная, коренастая фигура Эмиля неторопливо удалялась от меня: широкие плечи поникли, голова понурена; сжатые кулаки в карманах брюк, наверняка, ногти впились в ладони; всегда ясное выражение лица приобрело жесткость,

мечтательность сменилась на обыденное созерцание дороги под ногами. Вот так желанный результат оборачивается в нечаянное страдание. И молодая горячность, как раскаленный металл впервые опускается в проточную воду остужаться. Так, наверное, обтесывает людей под себя застоявшееся общество, в котором и для которого должен жить человек.

А ведь еще час назад Эмиль смеялся и шутил в присутствии академика Коростылева, уже зная о предательстве института.

Любые наши эксперименты всегда проверяло множество инстанций, собирались лучшие профессорские комиссии, которые затем выносили решения. И, если мы с Эмилем могли что-то недоглядеть или чуть-чуть недодумать ввиду не слишком большого опыта или отсутствия необходимого для испытаний оборудования, то этого не могли сделать те, кто контролировал нашу деятельность.

Сейчас стало ясно: после создания Эмилем первого упрощенного варианта прототипа установки по увеличению мощностей по генерации переменного тока, мы жестоко ошиблись, признав нежизнеспособность идеи. И только спустя два года упорный Эмиль, проведя испытания на пятом, очередном варианте, понял, что первый – был гениален. Это понятно было и руководству института, которое два года назад нам с Эмилем выделило по квартире и обеспечило служебным транспортом.

Потянуло предрассветной прохладой. Побледнел про-

зрачный день. Слепые окна серых пятиэтажек мрачно дремали в «спальном» районе спящего города. Еще немного, и начнут распеваться птицы, потеплеет под безоблачным небом ветер, и оживет янтарная субстанция, лежащая в основе строения материи, которую так любит Эмиль.

Я глубоко затянулся, и синий дым, неторопливо клубящийся вверх, был атакован мощной струей побелевшего табачного дыма.

* * *

Стараясь не разбудить Марину, я бесшумно проник в ванную, чтобы принять душ. Объяснять ей в данный момент, почему меня не было трое суток, мне не хотелось. Я вообще не любил никому ничего объяснять. Она прекрасно знала, что я в институте оформлял финальные расчеты мощностей. И подобные отсутствия стали в последнее время нередкостью.

Марина, некогда приятная девушка, незаметно для меня превратилась во что-то тягостное и тяжелое, неудобное и неинтересное. Домой я не мчался, как прежде, при любом удобном случае. Теперь я все чаще предпочитал оставаться в институте, если на сон при загруженности работой отводилось три-четыре часа.

...Она первая, кто задержалась в моей квартире дольше пары ночей. Следом за ней в квартиру стали переезжать ее

вещи. Я не заострял на данном факте свое внимание, это происходило само собой, да и развитие отношений между мужчиной и женщиной предполагают дальнейшее и постоянное соединение, называемое браком, чего я не исключал, но и не задумывался об этом. Познакомился я с Мариной через общих друзей, лаборантов «желтого» крыла института. С тех пор, как у меня появилась собственная квартира, в перерывах между «запойной» работой с Эмилем, приятели компаниями часто собирались у меня. Разумеется, мы выпивали, пели песни под гитару, слушали музыку и развлекались, как могли. Ребята меня нисколько не напрягали, было всегда весело и шумно. Постоянно заводились новые знакомства, которые были мне ни в радость, ни в тягость. Жизнь сама вошла в данную колею естественным образом со студенческих времен. Я либо работал с Эмилем, не вылезая из института неделю, а то и месяц, либо отдыхал с приятелями по несколько дней, ожидая резолюций различных комиссий, куда мы с Эмилем сдавали свои проекты.

Когда мы начинали жить с Мариной, вечером на кухне появлялся вкусный ужин, ночь наполнялась страстью, а утро омрачал только звон будильника, который тут же перекрывался свистом закипевшего чайника на кухне – Марина к моему пробуждению успевала приготовить завтрак. В свободное время мы встречались с друзьями, бродили вдвоем по городу, покупали продукты. И все шло гладко, что казалось, так будет всегда. Но «так всегда» почему-то не стало.

Раньше, после ужина или уже в постели мы долго разговаривали: о моей работе, о ее семье и институте, где училась Марина, о тех, кто нас окружает. Мы делились впечатлениями прошедшего дня и планировали выходные...

«Можно ты о работе своей дома будешь забывать», – одернула она меня несколько дней назад, когда я по привычке, придя с работы, начал рассказывать Марине о новой идее Эмиля.

«Можно», – с готовностью согласился я, подумав, что ей это, действительно, совсем неинтересно. Марина разбирала сумки из универмага. Я получил крупную премию, и мы провели в универмаге энное количество времени, пока довольная Марина не скупилась себе, наверное, все, что там было. Теперь вещи перемещались в платяной шкаф на плечики и убирались в ящики для белья.

Я хотел было что-то сказать, но понял, что сказать мне ей нечего. Эта мысль меня неприятно кольнула. Хотел спросить, как прошел ее день в институте, но понял, что, кроме пустой сплетни о ее сокурсниках и преподавателях, я ничего не услышу. А это было не интересно мне. О прошлом Марины я знал уже все.

«Что на ужин?» – вот, чем я смог поинтересоваться у человека, который жил со мной и будет, наверное, жить.

«Макароны сварю. Подожди немного, я разберу вещи. Как ты думаешь, в твою следующую полочку мне хватит на пальто?» – Марина включила телевизор.

«Наверное, если потом месяц посидим на воде», – ответил я.

«На воде не надо. Возьмешь в институте машину, и съездим к моим родителям за город. У них свое хозяйство, наберем все, что нужно. Отец как раз спрашивал, когда резать поросенка, чтобы мясо сразу по родным разделить».

«Где мои книги?» – я скользнул взглядом по письменному столу, где вместо книг стояла ваза с полевыми цветами на кружевной салфетке, окруженная флакончиками духов, различными коробочками и тюбиками. Композиция была создана идеально, а мое пространство стало еще меньше.

«В ящиках», – небрежно отозвалась Марина.

«Марин, – осторожно сказал я, стараясь ее не обидеть. – На столе мне удобнее располагать рабочие книги и тетради. А в ящиках хранить то, что в данный момент не нужно».

«А куда мне ставить косметику? – гневно оторвалась она от блузки, с которой срезала этикетку. – У тебя ведь нет трюмо!!!»

Я оглядел не слишком большую комнату, и сообразил, что не готов отдавать еще метр пространства под трюмо.

«Поставь на полку в ванной», – предложил я.

«Нет, – возмутилась она. – Ты смахнешь нечаянно или залъешь из душа, и мне там неудобно краситься! купишь трюмо – освобожу стол. Свои тетрадки в ванной на полке храни!»

Я сдержался. Вытащил из ящика письменного стола

книжку и ушел на кухню.

«Поставь воду под макароны! – крикнула Марина. – И не кури на кухне! В подъезд выходи. Надоел этот дым».

С зажатой под мышкой книгой, я, нащупав сигареты в кармане рубашки, вышел из квартиры. Через улицу располагался городской сквер, куда я и направился. Книга, которую я с собой прихватил, оказалась не дочитана мною всего на десяток страниц. Закрыв ее через несколько минут, я закурил.

«Марина – словно прочитанная книга. Пусть хорошая, но та, которую больше не тянет открывать и читать вновь. Когда знаешь, что было, и знаешь, чем закончится. Ее можно перечитать когда-нибудь вновь, но открывать ее каждый день...», – я притушил ботинком окурок и заметил на соседней лавочке девчонку. Волнистые рыжеватые волосы были стянуты в хвост, вместо платья – плотные брюки. Под растянутой ветровкой водолазка облегла грудь. Девчонка с аппетитом ела бутерброды и запивала их молоком из треугольного пакета. Рядом «восседал» набитый рюкзак. Заметив мой взгляд, девушка улыбнулась и жестом предложила мне бутерброды с молоком. Я отрицательно помотал головой.

«Геолог, верно. Точно в экспедицию собралась, – предположил я. – Одета слишком не по погоде для теплого весеннего вечера».

Девушка непринужденно пожала плечами и продолжила уплетать хлеб с докторской колбасой. Я махнул ей в знак

прощания и поднялся со скамейки.

«Книжку забыли!» – донесся до меня ее голос.

«Я ее уже прочитал. Если хочешь, возьми себе», – крикнул я в ответ.

«Спасибо!»

Той ночью мы с Мариной помирились после нашей первой ссоры. Лежа на спине, я смотрел на потолок и думал, что эти изумительные для мужчины полчаса не стоят остальных пресных двадцати трех с половиной.

Я все чаще и чаще задерживался в институте с Эмилем, все реже разговаривал дома. Походы в магазины сносил терпеливо, как и то, что на письменном столе не было больше места для моих бумаг и книг. Чего я ждал или не ждал, не знаю...

Приняв горячий душ, я вытерся полотенцем. Вспомнились слова Эмиля о семье: «Это фон. Как течение в море. Есть оно и есть. Нет его и не надо. Понесло, как щепку с рождения, вот и плыву. У меня только мой ток был».

Марина разметалась во сне и, казалось, крепко спала. Я нырнул под одеяло, но она пробормотала, прижимаясь ко мне и не открывая глаз:

– Хуже командировочного. Институт в трех кварталах, а будто на северном полюсе.

– Спи, – примирительно дунул я на ее закрытые веки. Как только я уронил голову на подушку, силы меня окончательно оставили, и отчаянно хотелось уснуть.

– Я, по-моему, беременна.

Меня точно кипятком ошпарило.

Марина ровно засопела, освободив меня от ответа или проявления какой-либо реакции. Я задумался, а сон как рукой сняло.

...Я жил между прошлым и будущим. Но не так, как существуют обычные люди – в настоящем. У меня не было настоящего времени, то есть, я не знал, которое время, ощущаемое мною, является настоящим. Черета несвязанных событий во времени могла свести с ума и опровергнуть мое собственное восприятие себя.

Я не знал, где проснусь утром: может быть в маленькой комнатке, и бабушка отведет меня в детский сад; может быть с Мариной; может быть один, перед выпускными экзаменами в школе, а потом за гаражами меня впервые поцелует Аленка, и я еще не буду знать о том, что поступлю на физмат, о том, как некрасиво обошелся институт с работами Эмиля, о том, что Марина, кажется, беременна.

Попадая в разные отрезки времени, я не знал будущего, словно его еще не существовало, а прошлое виделось дискретными случайными величинами, как на первой диаграмме Эмиля, когда мы взяли неоправданно длинный разброс в показаниях, а теперь пришлось уменьшить расстояние между входящими данными и получить вторую диаграмму, чтобы понять первую.

Я уже не спрашивал себя, когда это кончится. Я привык.

Но не терял надежды, что «упав» в очередной раз в свое прошлое, смогу его изменить. Это было моей мечтой.

«Не могу же я бесконечно бегать по кругу своей жизни. Нельзя же ее проживать постоянно, от рождения до сегоднешнего дня», – предполагал я, но жизнь, очевидно, думала иначе.

Даня

– Давай-ка, дуй на улицу! – сердито приказал отец, заходя в маленькую комнату.

Я испуганно оторвался от разглядывания книжки и бросился вон из-за письменного стола. Тяжелая рука отца мне была хорошо знакома. Несколько увесистых затрещин я помню, да таких, что я летел по коридору до маленькой комнаты. Я не акцентировал свое внимание на том, что получил за то, что мешался под ногами. Я даже не обиделся. Но животный страх перед этим мужчиной остался.

У нас с бабушкой имелся ключ от комнатки. Когда за стеной гремело и грохотало, бабушка запирала дверь. У меня в голове тогда проносилось: «Буря мглою небо кроет». Складывалось впечатление, что именно это и происходит за стеной.

Бежал я на пустырь за барачными деревянными домами. Упав ничком в сухую, колкую траву, замер. Сердце бешено колотилось, в ушах стоял жуткий шум, похожий на сире-

ну, оповещавшую о воздушной тревоге.

Я просил бабушку вернуться. У земли, у травы, у неба, у солнца...

Эмиль

Маринка еще спала. Я болезненно отключился лишь на полчаса. На рассвете я неслышно сполз с дивана. Сгреб свои вещи со стула и, крадучись, проник в коридор. Выдохнул, плотно прикрыл за собою дверь в комнату. Торопливо оделся.

Эмиль сидел за своим столом.

– Во, – учитывая то обстоятельство, что мы расстались не более трех часов назад, я крайне удивился, увидев его на месте задолго до начала рабочего дня. – Ты-то что тут делаешь?

Он не ответил, а его взгляд, обращенный в мою сторону, был беспомощный и вялый. Эмиль рассортировывал бумаги и документы по журналам и папкам. Подписывал корешки, подклеивал заметки, бережно сворачивал длинные диаграммы, сгибая листы и скрепляя их скрепкой. Его неторопливые и спокойные движения вызвали гнетущую тоску и неподдельное огорчение у меня в душе.

– Эмиль! – не выдержал я.

Он безучастно взглянул на меня и снова продолжил заниматься своим делом. Я пошатнул электрический чайник, и, убедившись в отсутствии воды, прошел к раковине в малень-

кой прилегающей к кабинету комнате.

Эмиль, разобрав кипу бумаг, отнес папки в шкаф. Затем с большого, широкого подоконника взял следующую беспорядочно наваленную стопку и вернулся к своему столу.

Я воткнул вилку чайника в сеть. Ополоснул два стакана. Достал чай и сахар. Пока закипал чайник, я решил спуститься в столовую и разжиться чем-нибудь съестным. Взяв ключи у вахтера, я было повернул в желтое крыло здания, где располагалась столовая, но во входную дверь протиснулся академик.

– Коростылев, – пришлось мне к нему подойти. – Извини за вчерашнее.

– Ерунда, – пригладил он седовласую голову и поправил лацкан пиджака. – Полнейшая ерунда. У вас новая идея, или вас вчера шофер домой не доставил?

– Доставил, – нехотя ответил я, подумав о том, как быстро «дом» может превратиться в «клетку», из которой хочется бежать без оглядки. – И идеи нету. Решили разобрать накопившиеся дела и сдать в архив.

– И Эмиль уже здесь? – удивился академик.

– Ты же тоже здесь! – заметил я.

– У меня важная встреча с профессором к обеду. А я бы хотел набросать несколько тезисов, чтобы не съезжать с главной темы, так сказать. Ты далеко собрался?

– Поищу в буфете чего-нибудь. Не ужинал и не завтракал я. Могу в качестве извинения пригласить тебя к нам на чай.

В холодильнике столовой я взял бутерброды с заветренным сыром и кружок краковской колбасы. Оставив записку на раздаточном столе о награбленном, мы с Коростылевым поднялись к нам.

Кабинет у нас с Эмилем был не просто большим, он был огромным. У окон стояли в ряд несколько столов, образуя собой просторную поверхность, которая у нас была часто заваливалась документами, бумагами, справочной литературой, чертежами и всем, что было нужно и не нужно. Иногда, в процессе многомесячной работы, не обнаруживалось и свободного пяточка полированного пространства. В углу около шкафов стояли наши с Эмилем рабочие столы, и по противоположной стене располагались приборы, аппараты, схемы и куча всего-всего.

Чайник недовольно выпускал интенсивную струю пара.

Эмиль все также сидел за своим столом, только стол уже был девственно пуст, не считая пишущей машинки в центре, пухлой папки-скоросшивателя слева и толстого блокнота справа.

Не заметив, как мы вошли, Эмиль с отсутствующим видом почесал шею и застучал по клавишам. Когда я выключил чайник, Эмиль передернул каретку, и снова застучал, изредка останавливаясь на секунду и бубня что-то себе под нос.

Мы с Коростылевым расположились на моем столе, заварили чай, порезали колбасу. Эмиль бережно вынул первый лист, полюбовался на него и вставил второй.

– Эмиль! – позвал я его.

– Что?! – вздрогнул он, точно впервые увидел меня за утро.

– Иди пить чай.

Эмиль очнулся и встал из-за стола. Поздоровавшись с Коростылевым, он присоединился к нам. Мы задумчиво поглощали еду и прихлебывали из кружек обжигающий чай.

– Марина беременна, – выпалил я. Реакции не последовало. Очевидно, этот вопрос никого из присутствующих не заинтересовал. Не только пожилого академика, у которого, вроде, не было семьи, но и Эмиля, имеющего жену и двух малолетних детей. Я продолжил: – А я как-то не хочу.

«Собеседники» опять промолчали.

– Я не готов нести ответственность за ребенка всю свою жизнь, – продолжил я, чувствуя, что мои слова прозвучали кощунственно. – То есть, я не хочу никакого ребенка.

– Типичные мысли, – наконец «включился» Эмиль. – У меня в первый раз так тоже было. Пройдет потом.

– Я утром поэтому из дома и вылетел, чтобы с Мариной не объясняться.

– Никита, это здорово! – с воодушевлением «проснулся» и Коростылев. Но у меня создалось ощущение, что у Коростылева все было здорово: появление ребенка, неудачный опыт в лаборатории, утренний чай, неожиданный гость. Казалось, что Коростылев просто по-другому не умеет реагировать на внешние события. – Продолжение! Что может быть

лучше?

– Конец, – мрачно закончил я и пожалел о том, что рассказал. Все-таки некоторые размышления нужно оставлять при себе, чтобы не выглядеть «нечеловеком» в глазах людей.

– Родители обрадуются внуку или внучке, – радостно продолжил Коростылев.

– У меня, – я стал поспешно убирать со стола. – Нет родителей.

– Давно? – академик как будто обрадовался.

– Давно, – буркнул я. – Будто ты, Коростылев, не знаешь, что я один? Или у тебя склероз?

– А другие родственники остались? – живо поинтересовался Коростылев. – Сестра, брат? Дядя? Тетя?

– Нет! – я собрал кружки со стола и понес их в раковину. Включил воду и стал интенсивно тереть их тряпкой. – Что ты ко мне пристал?!

– Ничего, – сказал Эмиль. – Он себе сам теперь родственников наделает.

Коростылев откашлялся, взглянул на наручные часы и, поблагодарив за угощение, ушел.

Эмиль настороженно взглянул на меня.

– Родители обрадуются!!! – повысил я голос. – Можно подумать, что все родители детям радуются!

Эмиль настороженно взглянул на меня. Я заткнулся. Вода шумела в раковине и брызгала на пол, а Эмиль переместился к печатной машинке.

– Ты все очень ожесточенно воспринимаешь, – крикнул он мне. – По-моему, Коростылев не сказал ничего такого, чем можно было бы задеть или обидеть. Стандартные фразы.

– По-твоему?! Вот в этом вся загвоздка! Каждый думает по-своему и уверен, что и остальные должны так думать. Или воспринимать мир!

– Остынь ты, – отмахнулся Эмиль. – Нервный какой.

– Зато ты спокойный. У тебя работу из-под носа увели!!!

– Ничего у меня не уводили, – возразил Эмиль. – Пять неудачных попыток. Я решил сам свернуть этот опыт.

«Неудачных?!», – я ошарашенно уставился на него. Буквально вчера Эмиль говорил противоположные вещи.

Ровный стук клавиш будто отсчитывал секунды часового механизма готовящейся ко взрыву бомбы. Ощущение, что мое сердце с каждым звуком, колеблется как маятник все с большей и большей амплитудой: прошлое-настоящее, настоящее-прошлое, и, набрав ускорение, скоро вылетит за пределы системы.

Открыв форточку, я закурил. А затем, чтобы приглушить неосознанную тревогу, я принялся разбирать столы вдоль окна. Эмиль продолжал печатать, делая временами пометки в своем блокноте.

– Эмиль! – не выдержал я к обеду.

– А? – нехотя оторвался он от пишущей машинки.

– Пойдем в ресторан?

– Хм... – Эмиль вытащил очередной лист из пишущей

машинки, приложил его к остальным и убрал бумаги в сумку. – Пошли.

Весна в этом году ворвалась стремительно. Дни стояли теплые, погожие. Воздух пах свежестью. Деревья быстро облачилились в светло-зеленые нежнейшие облака листвы. Только настроение было совсем не весенним. И не знаю, что меня больше подкосило: гибель проекта, с которым неизвестно что теперь делать, или Марина...

Мы брели по малолюдным улицам в сторону проспекта.

– Я решил написать книгу, – выдохнул Эмиль.

– Это ее ты начал строчить в кабинете?

– Да. Я хочу описать все наши работы и опыты, выводы и предположения, планы, идеи, догадки...

– И разгадки, – полувопросительно сказал я.

– Не без этого, – кивнул Эмиль.

– Не напечатают.

– А это мы посмотрим. Буду с собой носить. А если что, ты ее напечатай.

– Может, не надо связываться? – вяло отозвался я, потому что последовательный Эмиль никогда не бросал задуманное. Если ему что-то пришло в голову, то оно обязательно «выйдет» из нее в виде конечного продукта.

– А как иначе? Я днем и ночью пропадаю на работе, но половина уходит в архив, который сроду никто разбирать не будет, а вторая половина – налево. Мне жаль, если кто-то будет тратить время на то, что я уже исследовал. Пусть учтут

всю мою деятельность и опыты. Так же лучше?

– Наверное, – согласился я. – Ты копирку прокладывай между листами, когда печатаешь или чертишь, тогда у нас два экземпляра будет. Один мне, если что-нибудь с тобой случится, а второй – тебе, если со мной...

– Ничего не случится, – заверил меня Эмиль. – Меня не совсем интересуют возникшие противоречия. Я их не буду касаться. Я хочу поделиться только тем, что нашёл, что доказал и опроверг. Хочу отдать свои знания тем, кому они пригодятся.

– Ты уже отдал, – рассмеялся я. – Я уверен, что они кому-нибудь определенногодились. А не выпустят эту книгу, потому что я не представляю, чтобы все согласилось на научное признание некоторых твоих ошибок, как удачные эксперименты.

– Я издам ее сам. В типографии. И им придется пускать мою работу на суд более широкого круга, чем наш полузакрытый институт.

Солнечный свет щедро озарял город и касался теплом изголодавшуюся за зиму бледную кожу. Я зажмурился и почувствовал, как тепло проникает глубже, к сердцу, вновь вселяя в него покой и уверенность в будущем.

– Поступай, как считаешь нужным. Я с тобой, – беспечно кивнул я, совершенно не представляя, что и кому действительно нужно в нашем мире. – Сюда зайдем?

– Мне все равно. Я ужасно не выспался, – сказал Эмиль. –

А что у тебя с Мариной?

– Ничего, – нахмурился я. – Я думаю, что ничего! А теперь это самое «ничего» будет все время рядом. Не мой она человек! Как же я не мог понять раньше? А что делать сейчас?

– Все твои сомнения возникают у каждого перед ответственным шагом. Думаешь, у меня такого не было? Ничего, все прошло. Так общество устроено. Есть порядок действий: учеба, работа, семья. Грубо говоря, фронт и тыл – соответственно.

– Ты не соображаешь!!! – воскликнул я. – Это единственный доступный выбор в жизни. Мы не выбираем родителей, мы не выбираем позже детей, их спутников, внуков. Мы можем выбрать только партнера и друзей в своей жизни. Но ты прекрасно понимаешь, что какой выбор сделаешь, по тому пути и пойдешь до конца. А зачастую получается, что и тут выбирать не приходится под воздействием некоторых обстоятельств.

– Я об этом никогда не задумывался, – озадаченно признался Эмиль.

– До этой секунды я тоже.

– Ты слишком драматизируешь. Или слишком чувствительный. Проще надо относиться.

– Поневоле расчувствуешься, – распахнул я стеклянную дверь. – У меня впервые появился собственный дом, свое личное логово, как вдруг оно из-за Марины превращается в

чужую нору.

– У тебя не было дома? – осторожно поинтересовался Эмиль.

– Не хочу об этом говорить.

Мы зашли внутрь помещения ресторана и сделали заказ.

– Купи ей цветы и делай предложение, – решил Эмиль, поморщившись от водки. Меня тоже невольно передернуло. То ли от водки, которую глотнул Эмиль, то ли от его слов. – Все равно к какому-нибудь берегу надо приставать рано или поздно.

– Хорошая перспективка, – иронично произнес я, нервно тарабани пальцами по столу. Неизбежность дальнейшей семейной жизни меня не порадовала.

– Все образуется.

Еще засветло я был дома. Кинул огромный букет цветов на стол. Не раздеваясь, бухнулся на диван и уснул.

Аленка

– Куда поступать будешь, горе ты наше? – тяжело вздохнув, буднично поинтересовалась классная руководительница. Судя по ее вздоху, она хорошего ответа от меня не ждала, равно, как и поступления.

– Никуда, – сплюнул я на пол.

Надежда Ивановна поморщилась.

– Никита, у тебя одни прогулы и двойки. После восьми-

летки ты обещал мне исправиться. Ты не представляешь, как я уговаривала педагогов, чтобы они пожалели тебя, ради памяти твоей бабушки, моей подруги и великолепного учителя, и дали окончить тебе десятилетку. Что же я вижу через два года? Что ты меня подвел?

Я смотрел в окно. Мне было все равно. Главное, что приближался конец ненавистному пребыванию в школьных стенах.

– Мне извиниться, что не сдержал обещания? Что вы сейчас от меня хотите?

– Оставь свои хамские замашки, на меня они никакого впечатления не производят. Мы в кабинете совершенно одни, и ты можешь быть просто собой. Нормальным человеком, с которым можно поговорить.

– О чем? – изумился я.

– Куда ты будешь поступать, – Надежда Ивановна не отрывалась от проверки тетрадей. Она не смотрела на меня, и я знал, что это тактично делалось для того, чтобы поговорить со мной по-хорошему. Если бы она развернулась ко мне и, глядя в глаза, учинила бы «допрос» высокомерным учительским тоном, то я, скорее всего, хлопнул бы дверью и ушел. Поэтому Надежда Ивановна делала вид, что сосредоточенно проверяет тетради, а раз уж я оказался в классе, то она, исключительно, как классный руководитель, интересуется моим будущим.

– Я же сказал – никуда, – за распахнутым окном кача-

лись ветви берез, подрагивая подросшими листьями. Воздух после утренней грозы под жаркими солнечными лучами был восхитительно приятен, точно обладал медовым липовым вкусом. Долгие годы я не обращал внимания, как прекрасна земля в разные времена года. Для меня существовали только два признака погоды: «нормально» и «противно». Но в этом году ко мне вернулось детское ощущение ожидания чуда, потому что эта весна должна была стать последней. Скоро у меня начнется новая жизнь, и все будет по-другому. Так, как я захочу.

– Я не из праздного любопытства интересуюсь. Может быть, я постараюсь как-нибудь поговорить с учителями. Ведь ты не выдержишь экзамены.

Я молчал. Надежда Ивановна замолчала тоже. В класс вбежали девчонки, нарядные, в белых фартуках с белыми бантами. Последний день учебы. Потом только экзамены. Девчонки стайкой склонились над учительским столом и зашебетали с Надеждой Ивановной по поводу украшения актового зала. Я терпеливо стоял, пригвозжденный к полу. Несмотря на то, что появился удачный момент улизнуть из кабинета, я его не использовал. Вместо этого я любовался на Аленку, на ее пшеничные волосы, которые сейчас отливали золотом, потому что на них падал солнечный луч, на ее стройные ноги в светлых гольфах, на подол короткого платья, на пояс фартука, завязанного сзади бантом и стягивающего и без того узкую талию. Наверное, это все, что оста-

нется мне от школьного десятка лет – третья парта у окна и Аленкина голова, которая иногда нет-нет, да и обернется, скользнув по мне беглым теплым взглядом. Мне было интересно, а если бы я стоял у доски, Аленка смотрела бы на меня, не стесняясь, или наоборот, отвернулась бы в окно, а может быть, смущенно опустила бы глаза в учебник? Но к доске меня никто из-за моего поведения не вызывал. Учителя старались меня не замечать. Я был черным пятном класса, шпаной и хулиганом. Это я понимал и школу посещал редко. В основном в конце четвертей и года, чтобы написать контрольные. Писал я их на твердые тройки, но учителя и их неохотно ставили, считая, что работы мною списаны.

– По три шарика вешать или по пять на столб? – спросила Аленка и внезапно оглянулась. Мимолетная полуулыбка розовых губ.

«А поцелуй я, конечно же, из памяти сотру. Спокойно он мне жить не даст», – нахмурился я. Мне так хотелось пойти в актовый зал и смотреть на Аленку: как она разговаривает, как смеется, как командует, куда вешать шары и плакаты, но...

Но там я был никому не нужен.

– Что же мне с тобой делать-то? – горестно спросила Надежда Ивановна, и тут только я заметил, что в кабинете мы опять одни.

– Да отстаньте вы от меня! – искренне предложил я. – И вам спокойнее будет, и мне.

– Душа у меня за тебя болит, бестолочь!!! – крикнула она в сердцах. – Иди отсюда с глаз долой. Постой. Вот на листочке расписание экзаменов написала. Не опаздывай. С собой ручку и чистую тетрадку. Если забудешь, забежишь ко мне, я дам. Рубашка белая. Есть?

– Есть, – с недовольством ответил я, потому что рубашка была мне уже маловата. Но я тут же подумал, что можно не застегивать верхнюю пуговицу, а рукава закатать по локоть и будет не так заметно. Тратить деньги на новую рубашку, которая мне пригодится на несколько экзаменов, мне не хотелось.

– Давай, куплю? Или деньги возьми, сам купишь? – прошептала Надежда Ивановна почти умоляюще.

В ответ я размашистыми шагами направился к двери и демонстративно ее за собой захлопнул, чтобы все три этажа школы услышали мое возмущение.

Эмиль

– Никита, – тормошила меня Марина.

– Что? – разлепил я глаза, и зажмурился от яркого света люстры. За окном вечерело.

– Я купила себе пальто!!! Деньги взяла в долг. До полочки твоей, – Марина задернула плотные шторы. Обернулась, заметила на письменном столе цветы. Аккуратно приподняла букет. Подвинула на место свои тюбики и баночки. – И еще

мне теперь нужны витамины. Фрукты надо есть.

– Ешь, – отозвался я, вставая.

– А ты их купил? – неприятно взвизгнула Марина.

– Завтра куплю, – послушно произнес я и направился в ванную. Прикрыв за собою дверь, я устало прислонился к косяку. Почему-то мне захотелось повеситься или хотя бы уйти на работу в институт.

Из-за двери доносился недовольный голос Марины:

– Почему цветы нельзя было поставить в вазу? Или оставить их на кухне? Чуть флакон духов мне не разлил. А рубашку сложно сразу повесить на вешалку? Хлеб не купил! Ботинки я просила убирать с дороги. Можно подумать, я в служанки нанималась. Иди ужинать!!! Я разогревать не буду по сто раз. Почему я должна ходить за тобой, как за ребенком? Это ты должен теперь мне во всем помогать...

За ужином Марина о чем-то говорила, но я ее почти не слушал, находясь в какой-то прострации.

– Завтра суббота. Бери служебную машину, поедем к моим родителям, как договаривались. Мне необходимы свежие овощи и зелень. На работе позже шести не задерживайся. Нам надо переклеить обои и передвинуть мебель. Ума не приложу, куда поставить детскую кроватку. У Эмиля вроде подросли дети, попроси у него? Никита!!!

– Что? – я растерянно посмотрел на ее лицо, обрамленное короткой стрижкой, на густые, черные брови, на круглые щеки и чуть курносый нос.

«Что же я в тебе нашел?» – думал я, глядя на ее полную белую шею.

– Попроси у Эмиля кровать! – раздраженно повторила Марина.

– Какую кровать? – переспросил я, потеряв нить разговора.

– Детскую!!! – крикнула она. – Скоро появится ребенок!

Даня

Небо укрыла темно-серая пелена, которая рвалась и вновь соединялась, роняя крупные капли на землю. Я утер слезы и поднялся с высохшей за лето соломенной травы. Побрел домой.

Ни земля, ни трава, ни небо, ни исчезнувшее солнце не собирались возвращать мне бабушку.

Но, может быть, мне вернут ее люди, которые увезли ее от меня? Я опрометью помчался к дому, сообразив, что проревел целый день, валяясь в траве на пустыре. А вдруг бабушка пришла домой, а меня там нет?

С кухни раздавались громкие голоса, смех и звон посуды. Стеклой посуды. Граненых стаканов. Я прошмыгнул по коридору в маленькую комнатку. Я надеялся, что бабушка вернулась, и оттого на кухне весело.

Пройдя в маленькую комнату, я остановился.

На письменном столе больше не было книг. На нем стоп-

ками высились квадратики и прямоугольники из свернутой ткани, а сам стол был застелен зачем-то белой простыней.

Моя любимая настольная лампа, которая придавала уют вечерам, перекочевала со стола на облупившийся широкий подоконник.

К бабушкиной железной кровати сбоку была привязана веревочная сетка. А на кровати лежал большой сверток. Я в недоумении заглянул внутрь, отогнув край кружева, и отшатнулся: внутри лежала кукла. В такие куклы играли девочки во дворе. Они их пеленали, приставляли к их ртам бутылочки и забавно трясли на руках. Смысл их игры до меня так и не дошел. Так же, как и то, зачем здесь оставили девочачью игрушку. Я сначала подумал, что к нам пришли гости с какой-нибудь девочкой, и эта кукла принадлежит ей.

У куклы – открытый лоб, еле заметные светлые брови, длинные черные реснички, круглые щеки и маленькие розовые губы.

Но, когда кукла неожиданно наморщила нос, у меня внутри все похолодело: игрушка оказалась живой.

Я в растерянности сел на свою табуретку и стал ждать.

Эмиль

– Господи, – простонала Марина. – Да когда это кончится?

На часах было без пятнадцати шесть утра, а в квартире настойчиво разрывался телефон. Я улыбнулся, чувствуя, что

Эмилю необходимо срочно поделиться со мной своей мыслью, иначе она его способна разорвать изнутри. До Марины, Эмиль чаще непосредственно сам прилетал ко мне и нетерпеливо пинал дверь, пугая соседей.

Я потянулся к трубке, перегибаясь через Марину, но она вдруг вырвала телефонную вилку из розетки.

– Хватит. Надоел твой Эмиль.

– Марин, перестань, – я хотел перезвонить ему, но Марина вытянула руку с проводом в сторону так, чтобы я не достал.

– Спать! – скомандовала она мне. – Мне нужен покой и сон для здоровья ребенка. Отныне телефон будет выключаться в восемь вечера и включаться тоже в восемь.

Немного ошарашенный ее тоном, я опять потянулся за проводом, однако Марина вскочила с дивана и схватила телефонный аппарат.

– Я выкину его сейчас из окна, – пригрозила она.

– Дура!!! Безмозглая дура! – я нервно сдернул брюки со спинки стула.

Марина метнулась в коридор, прижимая к себе телефонный аппарат.

– И к нему ты не пойдешь!!!

– Тебя забыл спросить, – я надел рубашку и подошел к шкафу, чтобы найти носки. Марина стояла у входной двери, наблюдая за мной.

Я оделся и вышел в коридор. Всунул ноги в ботинки.

– Отойди, – сказал я спокойно, стоя перед Мариной.

– Не отойду.

Она заслоняла входную дверь собой. Я взял Марину за плечо и решительно сдвинул ее с места, несмотря на ее сопротивления.

Как я и догадался, направившись к Эмилю, ко мне на встречу уже шел он.

– Я вот что подумал! – закричал он и тут же вжал голову в плечи, оглядываясь на окна домов.

Именно с этой фразы и начиналось каждое новое безумство. Меня словно волной обдало. Я и не подозревал, как переживаю за Эмиля в связи с последними событиями, и как я хочу видеть прежнего Эмиля с горящими глазами, а не с поникшими плечами и не с обидой в душе.

– Ну? – закурил я.

Пошли мы, естественно, в институт. По дороге я думал, как Эмиля поражают идеи: вынашивает ли он их, пока в голове не сложится четкая картина, или они поражают его мозг внезапно, как молния...

– Если задействовать волновую поверхность пространства? – Эмиль разложил передо мной бумагу и быстро набросал схему.

Я молчал, пока несколько сотен страниц рабочих тетрадей не перевернулись в моем сознании. Эмиль вздохнул рассказывал и вдохновенно дорисовывал детали на схеме, обозначая их символами, попутно делая сноски формул внизу.

– Тихо.

Эмиль умолк, терпеливо ожидая моего ответа.

– Вот здесь, – я показал карандашом. – Не состыкуется быстро. У нас нет графика поведения кривой в магнитном поле. Сначала мы выводим ее, а потом используем ее, как приближенную модель на этом участке. Если нам удастся расширить фазу колебаний до одной целой и четырех десятых и оставить ее постоянной, то все.

– Что все? – испуганно прошептал Эмиль.

– Это будет круто, а остальное – формальная доводка до нужных коэффициентов.

Эмиль вытер вспотевший лоб.

– Ух, – смотрел он на схему.

– Ух, – подтвердил я.

– А мощности сколько даст? – Эмиль опустился на стул и с восторгом заглянул мне в глаза.

– Не скажу.

– Никита!

– Сначала идем поэтапно. Может, этодохлая идея? Зачем себя сразу обнадеживать?

– Никита, – умоляюще проговорил он. – Скажи! Я не буду ни на что надеяться. Сразу буду на провал рассчитывать. Скажи?

– До трехсот процентов.

– Е, – екнул Эмиль, пораженный масштабами.

– Зря я сказал, – притворно горестно обронил я. И мы рассмеялись.

– Так, – Эмиль перевернул ватман. – Что нам нужно, и что есть в институте?

Мы начали скрупулезный подсчет требуемого оборудования и деталей. К закату мы поняли, что влетаем на крупную сумму, которую не одобрит ни одна комиссия. Слишком рискованная была затея, которая грозила провалом с вероятностью до семидесяти процентов.

– Я удивляюсь, – раздумывал Эмиль. – Неужели до этого никто не додумывался и не делал опыты раньше?!

– Может и делал, – пожал я плечами. – А потом похоронили его труды, как наши. Три шкафа у нас забиты полузаготовками неоформленных решений.

– Кстати, – Эмиль извлек из сумки несколько листов. – Твой экземпляр. Номера карандашом ставлю, потому что, чувствую, буду по мере написания возвращаться и существенно дополнять.

– Когда успел?

– Ночью поработал немного. Не брошу я свои опыты больше ни в какой архив.

Архив нашего института хранился в подвале. Много тысяч талантливых работ студентов и профессоров хранились в пыльных отсыревших коробках. Бесценная кладезь изысканий превращалась в мрачное кладбище макулатуры.

– Эмиль?

– М-мм?

– Давай на фотоаппарат щелкать каждую страницу? – я

вертел в руках отпечатанные листы, где формулы, уравнения, цифры и прочие символы, которых не было на пишущей машинке, Эмиль тщательно выводил чернильной ручкой. А у меня перед глазами стоял подвал с коробками. Часть давнишних проектов валялась под ногами, и невозможно было разобрать ни строчки на листах, которые не пожалело ни время, ни капающая вода с труб, ни чьи-то ботинки, втоптавшие бумагу в земляной пол. – На пленке удобнее хранить.

– А у тебя есть? – тотчас загорелся Эмиль.

– Не-а.

– Я знаю, у кого можно купить.

– В универмаге.

– Нет! – вскочил Эмиль. – Живет тут один мужик, говорят, в органах раньше работал криминалистом. У него классные аппараты. Профессиональные. Со службы остались. Он их сам настраивает.

– Вот еще, барахло старое брать, – отказался я.

– Этот мужик чокнулся немного, – продолжал Эмиль. – Один мой знакомый утверждает, что этот мужик фотографирует призраков на какую-то сверхчувствительную пленку.

Я выругался:

– Это ты чокнулся. Собираешь бабьи сплетни.

– Ты не понимаешь! У него все фотографии тусуются. Он по своим каналам старым заграничные модели может достать. Любые.

– Такое ощущение, что тебе надо не скопировать страни-

цу, а увидеть молекулы в капле росы.

– Короче, – прервал меня Эмиль, роясь в карманах. – Что у нас с деньгами?

– Ничего хорошего, – я вывернул свои наизнанку и достал пятерку.

Эмиль прибавил трешку и нервно зашагал по комнате. Резко остановился и округлил глаза:

– Пошли в бухгалтерию! Может под расписку дадут получку раньше?

– Пошли, – мы торопливо стали спускаться на первый этаж. Бухгалтерия, как и столовая, располагалась в желтом крыле здания института. Пролетая мимо вахтера, мы возбужденно решали, сколько попросить.

– Эй, сумасшедшие! – окликнул нас вахтер. – Сегодня суббота. Кроме меня и вас за целый день ни души не было в институте. На часах одиннадцать вечера. Замыкать мне пора ворота. Из-за вас двоих вечно не сплю. Как оглашенные, с рассвета до рассвета носитесь. Что будень, что выходной. Это где такое видано?

Я впал в ступор. В стекла смотрела ночь. Суббота. Мариныны родители со свежими овощами, о которых я напрочь позабыл, купленное пальто в счет будущей получки, рассвет, когда я, отпихнув Марину, вылетел из дома...

– Эмиль, звонила твоя жена час назад, – продолжал зло-радно ворчать вахтер. – Просила передать, чтобы ты домой больше не возвращался и переезжал в институт. Вот что я

вам скажу, дорогие мои. Я в понедельник иду к начальству и пишу на вас жалобу. Есть дисциплина, есть рабочее время, законом установленное. Кто это придумал, что вы имеете право бегать, когда взбредет? Нечего правила нарушать. На частная вам тут лавочка! И, Никита, я в курсе, что ты куришь в кабинете. Инженер по безопасности труда тоже об этом узнает. Это же надо: союз им построили, войны нет, так все равно чего-то вам не хватает. Суббота! С семьями сидите! Отдыхайте! Нормы рабочего графика не дураками разрабатывались. Так нет же! В четверг вы ушли за полночь, в пятницу пришли на рассвете, а потом и вовсе ушли до обеда. И я знаю, куда вы пошли. Шофер сказал, откуда вас пьяных грузил. А потом еще и цветы по вашей просьбе покупал. Где это видано, днем не работать, а пить? Вот каких работников бог-то дал. Казенные деньги вот куда уходят! Сегодня зачем явились? Похмеляться? И опять в бухгалтерию намылились? Все мало вам? Куда смотрит начальство?!

Вахтер сотрясал кривым узловатым указательным пальцем. Мы стояли, потупив головы, как нашкодившие мальчишки. Я представлял, какой скандал меня ожидает дома. Эмиля, думаю, беспокоил больше не купленный фотоаппарат и новый проект, который даст триста процентов мощности против ста, но который требовал больших вложений, и кардинальной перестройки в дальнейшем всех ГЭС. Не знаю, почему я смолчал. Старческое лицо с выпученными глазами, трясущимися губами и желтыми зубами меня раз-

дражало. Эмиль, понятно, почему молчал, ожидая конца монолога. Эмиль никогда ни с кем не спорил и не вступал в бессмысленные диалоги по двум причинам: не хотел распалять человека и распалаться сам, чтобы не наговорить лишнего горяча, или в такие моменты он отключался, углубляясь в свои мысли, которые уж точно были интереснее праздного выяснения человеческих отношений.

Пристыженные собственным поведением, на которое нам указали, мы медленно побрели прочь.

– Как ты домой сейчас? – спросил я.

– Нормально. В первый раз, что ли, – отмахнулся Эмиль и беспечно рассмеялся: – Однажды, на самом деле, не пустила. Я посидел на ступеньках с полчаса и назад в институт пошел.

– Приходи ко мне, если не пустит, – я улыбнулся его хорошему настроению. Эмиля, действительно, не могло ничто затронуть, кроме работы. Он легко относился к любым условиям, лишь бы они не мешали с головой окунаться в любимую им энергию электрического поля. – Потому что я уверен, что вахтер тебя сегодня тоже не пустит. Противный старикашка! Ему что за дело, когда мы работаем? Разгневался, будто шпану гоняет. Вот свинья какая! Интересно, а почему он про Коростылева молчит? Тот, ведь, тоже бродит неприкаянный по институту днем и ночью?

– Коростылев у него почетный гость, – ответил Эмиль. – Коростылев не обходит вахтера вниманием. То посидит с ним, выслушав его беспокойства, то спустившись на обед

в столовую, непременно занесет ему стакан компота с булкой. Вроде того, что уважает этот почетный труд на посту. То машину служебную даст ему в город смотаться. У вахтера-то угла нет, он тут и живет в своей будке. А иногда надо и вещь купить, и в баню сходить. Академик за него сидит. Коростылев крайне ненавязчиво умеет выстраивать отношения со всеми. Думаю, это у него врожденное: думать о тех, кто рядом. Не важно, вошь это или человек, директор или сторож. Я читал, что земля является седьмым домом. Домом партнерства. То есть, глубочайшие счастья и страдания приносят только отношения.

– Да нам-то некогда с этим вахтером стоять и разговаривать. И не о чем! – возразил я, пропустив мимо ушей последние слова Эмиля. Конфликтовать со стариком мне не хотелось, но и набиваться в мнимые товарищи – тоже.

– И не надо, – согласился Эмиль. – Ты просто не забывай, что этот старик более обездолен, чем мы. Разве можно злиться на него? Он же слабее!

– Я не могу, как ты, – признался я. – Мне это и в голову не приходит, когда кто-то выводит меня из себя. Меня раздражает, что они, видите ли, правы и знают, как лучше я должен поступать.

– Все так думают, – похлопал меня по плечу Эмиль. – Явно или подсознательно, но все.

– И ты? – поразился я.

– И я, – со смехом подтвердил Эмиль. – Я тоже думаю,

что они, наверное, правы и знают, как лучше. Я, к примеру, совсем не знаю, как было бы лучше. Пока!

– Приходи, если выгонят! – крикнул я в темноту, куда нырнул Эмиль.

А дома меня ждал сюрприз из родителей Марины.

Она с порога начала реветь. Такой артистки еще поискать. И, пока я разулся, она успела довести себя до иступления.

– Хорошая партия? – Марина выразительно представила меня. Ее мать засуетилась на кухне, звеня посудой и раскладывая на тарелки еду. – Полюбуйтесь, с кем я должна связать свою судьбу! Это вы восхищались им! Какой умный, перспективный, порядочный!

– Никита, мой руки и иди к столу, – пригласила меня Маринына мать.

– К какому столу, мама! Пусть ел бы там, где шлся! Эта сволочь сбежала из дома на рассвете! – вскричала Марина. И обратилась ко мне: – Ты понимаешь, что родители настолько встревожились, когда мы не приехали, что полетели к нам, боясь, что с нами произошло что-нибудь страшное. По какому праву ты, скотина, заставляешь пожилых людей волноваться?

Я набрал воздуха в грудь и стал вспоминать слова Эмиля о несчастных и обездоленных, которым хуже, чем мне, и только поэтому я не смею говорить им что-то поперек. Но Марина такого впечатления никак не производила. Но все-таки эти мысли меня немного отвлекли и приглушили Ма-

ринин крик в моих ушах. Я смог виновато протиснуться к столу, чтобы утолить разбушевавшийся голод.

Но на тарелках лежало то, что я есть не мог. На широком блюде лоснились куски жира с легких налетом мяса на них. Домашняя колбаса в кишках отвратно смахивала на дерьмо, тыквенная каша с пшеном и жареными баклажанами походила на то, что кого-то стошнило в мою тарелку. Из съедобного был только хлеб.

Подташнивать стало и меня. Я не знал, как отвертеться от еды под внимательным взглядом Марининой матери на шести метрах крохотной кухни.

– Мои старики! – расходилась Марина. На этих словах передо мной возник противный вахтер с трясущимся кривым пальцем и веснушчатым черепом, который покрывали редкие волосы. – Сколько продуктов привезли на себе. А у тебя есть возможность взять машину! Как тебе не стыдно!

Я смиренно сидел перед тарелкой, жуя ломоть хлеба и представляя себе, что я партизан, и меня пытаются едой, чтобы я выдал все идеи Эмиля. Я уже увидел разочарованное выражение его светло-карих глаз, когда он узнает о моем предательстве, и даже смог взять вилку в руки. Но тут мать Марины поставила передо мной стакан разнокалиберных хлопьев, плавающих в белой неоднородной жидкости.

– Домашний кефир! Настоящий, – с гордостью подвинула она ко мне стакан. – Такого-то не пробовал никогда.

Я вылетел в туалет. Партизан оказался из меня никудыш-

ный. Меня вытошнило. В тот момент я думал, что больше есть никогда не смогу. Зато это спасло меня от еды. Мне спешно заварили горячего крепкого чаю и дали горсть сухарей из белого хлеба.

– Боже, – презрительно скривила Марина губы. – Токсикоз у тебя?

– Поговорить надо нам, по-мужски, – подал голос Маринин отец. – Идем в зал, Никита.

Я с удовольствием покинул тесную кухню, где еще витали ароматы деревенских угощений.

– Марина у нас одна. Поэтому я не позволю тебе ее обижать. Поскольку ты привел ее к себе в дом... – начал мужчина.

«Кто ее приводил? – мысленно ответил я. – Гуляли у меня, она и осталась. Попроси она ее проводить, я б не пикнул».

– То должен нести за нее ответственность, – продолжил он. – Особенно теперь, в ее положении.

У меня сосало под ложечкой, потому что мы с Эмилем за целый день чашки чая не выпили, позабыв о времени. И сейчас мое положение с гудящей головой, крикливой Мариной, «домашними яствами», однокомнатной квартирой, где останутся ночевать двое чужих мне людей, а в скором поселится какой-то ребенок, мне виделось гораздо плачевнее, чем Маринино будущее, за которое я буду нести ответственность.

– Свадьбу соберем у нас. Родственники помогут организовать стол. Когда родится ребенок, мать переедет к вам, что-

бы помогать Марише. Если Мариночке будет трудно, мать приедет пораньше. До родов.

Я растерянно оглядел комнату. Мое плачевное «положение» упало совсем.

– В институте Марина берет академический отпуск. Ей нужно заботиться о себе и о ребенке уже сейчас.

«Как вовремя. Иначе бы ее и так отчислили. Столько «хвостов» даже у дракона не бывает, – поразился я Марининым маневрам. – Эта нотация надолго?»

– Я долго разговаривать не хочу, – отец наклонился ко мне. – Но ты имей ввиду, что за Марину отверну тебе голову.

«Ваша Марина как сыр в масле катается! – мне понравилось мысленно отвечать. Так я не нарывался на скандал. Все-таки, ее родители тут не причем. Даже показалось, что отец Марины поразительным образом отвечал мне. – Любопытно, Эмиля по той же причине вечно дома не бывает?»

– Лезть мы в вашу жизнь не собираемся, – заканчивал отец.

«Так я и поверил. Завтра тоже тут торчать будете? По городу с вами придется мотаться, наверное. Эх...», – вздохнул я.

– Завтра мы с вами побудем, мне снасти надо обновить, матери еще что-то. Обои посмотрим, белила, краску. Через месяц бери отпуск, и я приеду, помогу ремонт сделать».

«Чего и следовало ожидать, – сник я. – Какой же я дурак, что мы сами к вам не приехали. Взял бы машину, и наше с

вами общение ограничилось бы одним мирным обедом».

– Может, и лучше, что мы сами приехали, – рассуждал отец. – Пора укладываться.

«Наконец-то!» – возликовал я.

Родителям мы уступили диван, а сами расположились на полу. Мне хотелось позвонить Эмилю и поинтересоваться, пустили ли его домой, но время было слишком позднее для звонка. Я знал, что Эмиль не придет в мою однокомнатную квартиру с Мариной, если ему будет некуда пойти. Он не беспокоит никого собой. Я тихо засмеялся в подушку, представив, что Эмиля не пустили домой в наказание за пропущенный выходной, и Эмиль, ничуть не расстроившись, сидит сейчас в подъезде, достав чистые листы, и старательно продолжает писать свою книгу, обрадовавшись лишним спокойным часам. Маринка ткнула меня в бок, чтобы я успокоился, хотя храп ее родителей красноречиво говорил о том, что бессонница им не страшна, но грозит этой ночью мне.

– Марин, – прижался я к ней.

– Никита, – она тут же повернулась ко мне, с трепетом провела ладонью по моей небритой щеке и замерла в ожидании.

– Принеси мне поесть. Ты же беременная, тебе можно. А я боюсь разбудить их шумом, пока выберусь из этого спального вагона, и начну греметь на кухне.

– Не сдохнешь, – ядовито сказала Марина. – Утром мама тебе еще каши вчерашней подогреет на сальце. Я предпо-

лагала, что ты хотя бы извинишься.

– Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, – привел я ей доказательство. – А ты подобным образом убиваешь во мне любовь.

– Ее у тебя сроду не было, – серьезно сказала Марина.

– Зачем же ты тогда со мной связалась?

– Тебе квартиру дали, ты был не жаден, серьезен и работающ.

– Это все?!

– А разве еще что-то нужно? – удивилась она.

– Да это у тебя любви сроду не было!!!

– Какая печаль, – прищелкнула она языком. – У меня теперь пальто есть. Будет муж, ребенок и квартира. Не забудь, что полочку надо отдать за пальто. Скажи спасибо, что я не сообщила родителям, что ты меня ударил утром.

– Я тебя отодвинул, – возмутился я.

– Не важно. Это было насилие. И я проревела целый день.

Я откинул одеяло.

– Ты куда? – она схватила меня за руку.

– Курить.

– Только не вздумай оказаться в институте. Я к начальству пойду!

– Иди, куда хочешь.

– В подъезд выметайся. В квартире и на балконе я курить больше не разрешаю. У тебя десять минут. Я время засекаю.

Я бегом сбежал по лестнице. Помчался к дому Эмиля. Ок-

на его были темны, на площадке никого не было, в подъезде было также тихо. Я на всякий случай поднялся до верхнего третьего этажа, проверяя нет ли Эмиля на лестнице. Посто-
ял у его квартиры, послушал тишину, и со спокойным серд-
цем вернулся домой.

– И? – прошептала Марина.

– Что? – в недоумении переспросил я.

– От тебя не пахнет сигаретами. Ты куда ходил?

– На северный полюс, – я отвернулся и мгновенно заснул.

Глава 2

Даня

Я теперь понял, почему девчонки таскали своих запелёнатых кукол на руках. Первое время Данька часто плакал, особенно по ночам. Я отвязывал сетку от спинки бабушкиной кровати и садился рядом. Клал на колени подушку, подтаскивал Даньку к себе и легонько покачивал ногами. Данька смешно причмокивал, крепко засасывая пустышку во рту, и затихал...

К осени мне купили школьную форму и портфель. Новенькие тетради и прописи, альбом и краски, ручки и карандаши, которые помещались в деревянный пенал...

Письменным столом по-прежнему владели стопки Данькиных пеленок. Поэтому я пристроился на облупившемся подоконнике. Слева сложил бабушкины книги с моими «закорючками», а справа появились мои три первых учебника. Посередине я поставил настольную лампу. Ночью я ее включал, просыпаясь от Данькиного крика. Она горела за шторами, мягко рассеивая свет на четверть комнаты, как раз до конца бабушкиной кровати.

Утром я бегал на молочную кухню за кефиром и моло-

ком для Даньки, потом мчался в школу. В обед меня встречала вечно недовольная и растрепанная мать, ставила передо мною тарелку супа, а затем выпроваживала с коляской на улицу.

Девчонки со двора мне завидовали. Живая кукла была только у меня. Чего только они мне не предлагали за право катать Даньку и время от времени вытаскивать его из коляски, чтобы поправить кружевной уголок или просто умиляться над тем, как он морщит нос или распахивает свои большие светлые глазищи. Я в это время спокойно играл с мальчишками.

Когда я возвращался домой, на кухне уже восседал отец, пришедший с работы, а на столе неизменно занимала свое место бутылка и два стакана. Мы с Данькой получали порцию двухминутного внимания и торопились к себе в маленькую комнатку, поскольку к тому времени, как бутылка опустеет, на кухне либо начинались скандалы, либо слышался громкий и неприятный смех, или отцовская ругань всего белого света, а особенно его мастера на заводе, а также выяснения о том, куда мать транжирит деньги, обвинения в нищете и какой-то неправильной жизни.

Я дожидался, пока голоса на кухне не утихнут, либо не переместятся в комнату родителей, и шел на кухню. С необранного стола я хватал то, что было недоедено, брал из холодильника две оставшиеся бутылочки молока, которые согревал под струей горячей воды, и мы с Данькой ужинали.

Какое-то время я боялся Данькиного крика: если родители его слышали, то им ничего не стоило завалиться в мою комнату, надавать мне оплеух, наорать и еще попытаться взять Даньку на руки, который быстро прибавлял в весе. Я со страхом смотрел, как бы пьяный отец, еле державшийся на ногах, не уронил Даньку.

Но уже к зиме Данька быстро вошел в режим, и его плач сошел на нет. После «нашего ужина» я делал уроки под нечленораздельное умиротворенное бормотание. Для Даньки было главной задачей распеленаться, чтобы играть со своими маленькими ручками, смешно задирать ноги и далеко выплевывать пустышку. Когда он засыпал, я привязывал сетку к бабушкиной кровати, и шел в ванную стирать пеленки. Затем я развешивал их на батарее в нашей комнате, а утром складывал в стопку на письменный стол. Потом догадался убирать их в шкаф, освободив свое любимое место. Лампу я вновь поставил на стол, перенес и книги на место. Бабушку я больше не ждал и не тосковал по ней. Мне было некогда, но, все-таки, стало спокойнее, когда комната приняла прежний вид, как и при бабушке. Не считая сетки на ее кровати и тихого сопения маленького человечка.

Учился я с каким-то трепетом. Ловил каждое слово учительницы и старательно выполнял все задания. Она чем-то напоминала мне мою бабушку. Чуть полная, седые волосы аккуратно собраны в большой пучок, ласковая, и никогда не кричит. И очень понятно все объясняет, точно занятую ис-

торию рассказывает. Да так интересно, и каждый день что-то новое. А за школьным обедом за всеми приглядывает, кому-то разрешит не есть второе взамен более большой порции супа, кому-то второй стакан компота принесет, кому-то хлеб подложит, кому-то — добавки. И никогда не торопит нас. Наш класс самый последний выходил из столовой, и непременно после был урок чтения. Мы, сытые и умиротворенные пол-урока слушали рассказы и повести, а потом одним каверзным вопросом учительница «заводила» нас на спор или обсуждение. Весело было узнавать, что произведение одно, а каждый понимает его смысл по-своему, и это его право в силу обстоятельств, воспитания, мировоззрения, характера. Это было для меня небольшим удивительным открытием.

И я очень любил, когда учительница бывала довольна моим ответом.

Этот хрупкий, но относительно стабильный мир длился не так долго. После он стал хуже и лучше одновременно. Я перешел в пятый класс. К Надежде Ивановне.

Девчонки во дворе по-прежнему возились с Данькой, качали его на качелях, таскали ему сладости и ходили с ним в сквер, где гуляли другие малыши. Там происходило Данькино воспитание строгими детскими голосами: «К качелям не подходи с земли не подбирай, цветы не рви, быстро не бегай». Данька был в меру послушным. Ни дать, ни взять — живая игрушка для девчонок, которые без усталости играли в дочки-матери. Он, как собачонка, был предан девочкам. Ду-

маю, причиной тому было, что они часто из дома выносили ему то булочку, то котлету, то наперегонки мчались за водой, когда Данька просил пить.

С мальчишками дело обстояло хуже: они стали подсмеиваться и подтрунивать надо мной. За мой вечно неприбранный внешний вид, за мою отличную учебу и за сопливого Даньку. Сначала за спиной, а потом и в глаза. Мне пришлось самоутверждаться в первом обществе, которое стало отворачиваться от меня. В ход шли все способы: кулаки, насмешки, соревнования в дурацких занятиях: кто обтрясет грушу в чужом саду, кто у пьяного вытащит сигареты, кто у первоклассников отнимет копейки, предназначенные для завтрака, кто подожжет собранную листву в отместку дворнику, кто хулиганскими словами испишет стены, кто украдет классный журнал, или, подбрасывая монеты на ладони, рискнет пройти мимо старшеклассников, которые собирались вечерами то за школой, то в сквере. Миллионы бессмысленных и подчас жестоких занятий изобретались мальчишками с поразительной скоростью и возрастали в своей извращенности.

Я не понимал, почему и зачем пацаны становятся такими. С драками дело у меня обстояло блестяще: когда дети расходились по домам, я брал Даньку и мы шли на школьный стадион. Там я подтягивался на перекладинах до одури и выполнял упражнения, сначала те, что показывали нам на физкультуре, а потом и сам усложнял себе программу так, чтобы немела от боли каждая мышца. Я приобретал необ-

ходимую для самозащиты и уважения силу. Во всех остальных делах, которые были мне не по сердцу, мне пришлось не только участвовать, но и брать верх над ребятами, быть изощреннее и жестче их.

С отличной учебой тоже пришлось попрощаться. Вернее, я ее тщательно скрывал долгими вечерами в маленькой комнатке за письменным столом. А в школе я хватал двойку за двойкой, прогуливал уроки, дерзил учителям, демонстративно пытался курить в туалете, и делал все возможное, чтобы не терять своего места в беспощадном мальчишеском мире.

Своего я добился. Я стал лидером. За призрачное уважение среди пацанов, в собственной душе я получил ненависть к самому себе.

Снова комнатка запиралась нами на большой бабушкин ключ. Родителям до нас с Данькой не было никакого дела, как, впрочем, и нам до них. В детский сад они его так и не оформили. Пока я был в школе, Данька сидел в комнатке у окошка, облокотившись на подоконник, и ждал меня. Он не выходил даже в туалет, чтобы не нарваться на пьяную мать или отца. Данька не знал, что эти люди имеют к нему какое-то отношение. Редкими стали и дни, когда обнаруживалась еда в холодильнике или недоеденная закуска на кухне. Вещи для Даньки чаще отдавали жалеющие меня соседи, а я ходил и вовсе, как нищий. Идя со школы, я еще со двора замечал Даньку в окне. Данька расплывался в улыбке, прыгал

от радости на стуле и махал мне обеими руками.

Нехитрую еду я стал добывать, отбирая деньги у младшеклассников. Позже просто стоял около школы, прислонившись к столбу и смачно сплевывая. Мне хватало взгляда, что те, кто мне был нужен, подходили и ссыпали свою мелочь. Вещи я приноровился воровать с бельевых веревок, которые висели в каждом дворе. Брал я только самое необходимое. Себе и Даньке. Чтобы уж совсем не ходить в лохмотьях. Ворованные вещи мы с Данькой берегли, старались не пачкать на улице, а дома вешали в шкаф. Теплые вещи себе я не брезговал красть в школьной раздевалке, благо в универмаг привозили большие партии одного и того же товара и треть школы ходила в одинаковой одежде. Девчонки со двора свою выросшую «куклу» не бросили с возрастом. И, когда у них в школе начались уроки домоводства, я вздохнул с облегчением: Даньке навязали носков, варежек, нашили штанов и кривых рубашек. Он рассекал по двору, как модель, а девчонки с упоением старались перещеголять друг друга и одеть Даньку в вещи собственного производства. На Даньке же испытывались и кулинарные шедевры.

Поздние вечера стали мне отдушиной. Я придвигал к столу бабушкин стул и занимался. И теперь уже Данька подтаскивал некогда мою табуретку и усаживался рядом. Он заглядывал мне в глаза и смирно держал в своих маленьких ручонках карандаш, ручку, линейку, циркуль и ластик. Он с важным видом подавал мне то, что требуется, а потом опять

забирал в кулачонки.

В библиотеку я ходил тайком на другой конец города, тщательно проверяя, чтобы никто из пацанов меня не увидел за таким непристойным делом. Своего царского места у малолетней шпаны я не был готов терять. И спрятав пару-тройку книг за пазуху, я мчался домой.

Занимался я вполголоса, читая, рассуждая, приговаривая, чтобы Даньке было не так скучно. Данька глядел то в учебник, то в тетрадь, то на меня и слушал. Ни слова не произносил, пока я не откладывал все в сторону. Бывало, это длилось и три-четыре часа, уж очень меня манили бабушкины книги. Время «когда я начну понимать» постепенно, но неумолимо приближалось.

Хотя и было трудно. Иной раз я неделю не мог понять несколько страниц из книги по какой-либо теме, и приходилось начинать снова и снова, пока не наступало прозрение. Над молярной массой вещества я бился рекордное количество времени – три недели, а все потому, что оказались вырваны две страницы с самым началом введения и определения самого понятия моль. Когда я уже совсем отчаялся, то внезапно увидел номера страниц: пятьдесят четвертая и пятьдесят девятая. Я вскочил, схватил Даньку и закружил его по комнате, щекоча ему бока. Оказывается, недостающих страниц не было заметно, потому что двойной листок являлся серединой одной из прошивок.

«Вот начнешь понимать, тут и откроется тебе удивитель-

ный мир», — говорила когда-то бабушка. И я понял, почему на краю письменного стола в вазочке всегда лежали очень твердые пряники. Данька, забывшись, начинал грызть колпачок ручки или карандаш. Очевидно, что я в его возрасте делал тоже самое, поэтому для этой цели бабушка и ставила дубовые пряники.

Я очень любил Даньку. Он был единственным, перед кем мне не приходилось притворяться. С ним я больше был не одинок, и благодаря ему у меня находилась масса дел, правда, не всегда законных, появилась и глобальная цель: вырасти и уехать с Данькой в другой город, выучиться и работать, чтобы навсегда вычеркнуть хулиганское прошлое и двух пьяных людей за стеной.

Я смотрел на Даньку, и внутри меня возникало щемящее чувство, смешанное из жалости, гордости, обиды, умиления, нежности и чего-то такого родного, без чего невозможно жить: без этого сопящего по ночам носа; без распахнутых глаз, заглядывающих на меня с предельным вниманием; без этого кулачка, который сжимает ручку с карандашом и ждет, когда мне что-нибудь понадобится, чтобы с готовностью распахнуться; без этого безграничного терпения, когда Данька с утра присаживается к облупившемуся подоконнику и смирно сидит там ровно до того момента, пока не увидит меня, сколько бы часов не прошло.

Эмиль

Пока родители Марины были на кухне, я собирал постель с пола. Марина мазала лицо кремом, сидя на диване. Я прикрыл дверь и подскочил к ней, упав на колени:

– Мариш, чего хочешь, проси, только пусть я не буду есть их еду. Сделай что-нибудь.

Марина задумалась: зимнее пальто было куплено, и пока ей в голову ничего не приходило. Две сумочки были новые. Платья лучше брать при завозе. Туфлей новых тоже еще не привезли в универмаг. Она тяжело вздохнула, нетерпеливо поглядывая на дверь. В любую минуту нас могли позвать на завтрак, и тогда я уже вряд ли сделаю ей такое заманчивое предложение, а буду справляться с проблемой собственными силами.

– Цветной телевизор! – выпалила она, с трудом придумав цену завтрака.

– Хорошо, – согласился я, без особого удовольствия вообразив свое будущее: телевизор, ненужная свадьба, ковер, тахта, сервант, сервиз, снова новое пальто...

«Хоть не трюмо», – утешил я себя.

– Когда?

– За пальто твое расплатимся и посмотрим.

– Так не пойдет, – помотала она головой. – Говори конкретную дату.

– Я не могу точно сказать, – возмутился я. – Но я его буду в самую первую очередь иметь ввиду.

Марина обиженно оттолкнула меня и ушла на кухню.

В окно стукнул камешек. Потом еще один. Стук о стекло резанул болью в душе. Как ни прячь воспоминания, как ни забывай их, как ни думай о них – нет-нет, да и полоснут они тенью острее кинжала. Я метнулся на балкон. Под деревом я с трудом разглядел Эмиля, и он, заметив меня, призывно махнул.

– Что? – направляясь к нему, закурил я, чтобы Марина опять не спрашивала, почему от меня не пахнет табаком.

– К фотографу пойдем? – спросил Эмиль.

– Я не могу, – разочарованно сплюнул я. – Ее родители приехали и рассчитывают, что я целый день проведу с ними.

– Жаль, – огорчился Эмиль.

– Жаль, – подтвердил я. Визит к сумасшедшему фотографу теперь мне казался намного лучшим вариантом, чем дневной поход по магазинам в составе группы будущих родственников. – Все равно денег нет. Завтра в бухгалтерию заглянем и вечером ходим.

– Ты тогда начни смету составлять? И план набросай? Я книгой займусь.

– Идет, – кивнул я.

На кухне Марина жарила яичницу.

– Мама, уходите, тут не развернуться, – сказала она недовольным тоном. – Никита поест, и пойдем в город.

Ее родители ушли в комнату. Я быстро и жадно запихивал в себя приемлемую пищу, понимая, что от телевизора мне теперь не отвертеться.

Марина убирала в холодильник «домашнюю» еду со стола с торжествующим видом, будто только что из милости отменила мою казнь. Мне было не совсем приятно чувствовать себя заложником вежливости и чужих людей в собственной квартире, поэтому я сосредоточился на вкусной яичнице с помидорами, стараясь больше ни о чем не задумываться.

Аленка

Выпускные экзамены прошли с грандиозным скандалом. Никто из преподавателей не хотел ставить мне «отлично». Учителя искали подвох, заваливали дополнительными вопросами и с выпученными глазами слушали мои ответы, не веря своим ушам. Требовали вывернуть карманы, обыскивали парту, подозрительно смотрели на одежду, будто под моей рубашкой спрятался суфлер. Лицо Надежды Ивановны то бледнело, то становилось пунцовым. Она, сидя в составе комиссии, в волнении теребила мою письменную работу по литературе на последнем экзамене и с недоумением пыталась прочитать что-то в моих глазах.

Я был спокоен и весьма доволен, что настал последний день в этих осточертевших мне стенах. На будущее у меня были свои планы.

– На вечер не останешься? – осторожно поинтересовалась Надежда Ивановна, поймав меня в коридоре, когда все закончилось. Днем ожидалась торжественная церемония вручения аттестатов, а вечером – выпускной бал.

– Нет, – решительно ответил я. – Можно мне аттестат забрать сейчас, и я домой пойду?

– Можно, – вздохнула она. – Удивил ты меня. Не ожидала. Совсем не ожидала. Какой ты. Столько лет из себя дурака строил. Зачем?

– Мне так было легче, – признался я. – Уйти хочу.

– Никита... – Надежда Ивановна помедлила, протягивая мне аттестат. – Адрес мой знаешь. Приходи, если что понадобится.

– Хорошо, – сглотнул я. – Постараюсь, чтобы не понадобилось.

Летний воздух пьянил обманчивой свободой будущего, которые хоть иногда испытывают, наверное, все, без исключения, люди на свете...

Дома я отодвинул письменный стол и отогнул плинтус. Пересчитал свои сбережения. К паспорту приложил аттестат и билет на автобус. Завернул все обратно в газету.

Открыл шкаф, где лежали приготовленные вещи. Пара рубашек, брюки, пиджак и свитер.

Глубоко вздохнул.

Завтра вечером последний рейс увезет меня за добрые сорок километров. Больше я никогда не увижу ни этого дома,

ни этого города. И ничего из того, что я видеть больше не хочу.

Оглядел маленькую комнатку, в которой провел столько лет: платяной шкаф, моя кровать у дальней стены, бабушкина располагалась ближе к окну, рядом стоял письменный стол, на котором по-прежнему стопками лежали книги и стояла старая настольная лампа. Ничего не изменилось с моего детства.

Я прилег с книгой на бабушкину кровать, и, когда стало смеркаться, сунул книжку под подушку.

Неясный стук о стекло заставил меня вздрогнуть. Я в недоумении приподнялся. Мелкий камешек вновь ударил в окно.

Под деревом стояла Аленка в легком платье до колен и требовательно смотрела на мои окна.

Я накинул рубашку и стремглав выскочил во двор.

Она ринулась ко мне. Но нам пришлось остановиться в шаге друг от друга. Смелость нечаянного порыва вдруг улетучилась под давлением окружающей действительности: женщина во дворе развешивала белье на веревки, двое мальчишек дрались на палках, а старый дворник громко матерился на собак, которые воспринимали клумбу, как царское ложе недавно взбитой граблями земли.

– Ты не пойдешь на выпускной вечер? – выдавила смущенно Аленка, старательно глядя в сторону.

– Нет, – подтвердил я.

Она перевела дыхание. Украдкой взглянула на меня и тут же опустила глаза. Волосы у нее были распущены. Я всегда удивлялся, как быстро они успевали выгорать на солнце еще весной. Но к зиме неизменно наливались они насыщенным пшеничным цветом, чтобы к началу мая опять побелеть.

Я опомнился и стал суетливо застегивать рубашку, заправляя ее в брюки.

Аленка непринужденно, но медленно пошла вперед. Я пошел следом.

Мы пересекли двор, другой, третий. Обогнули гаражи и оказались у забора школьного сада.

– Иди, – улыбнулся я, кивая в сторону здания школы. – Ребята тебя ждут. Наверняка, выступать будешь на вечере.

Аленка была не только самой красивой девчонкой, но и самой активной. Ни одно торжественное мероприятие без нее не обходилось. Чаще она произносила заготовленные речи по тому или иному случаю. И, после, на танцах она также была в центре внимания. У нее было много друзей. Все хотели с ней дружить. И девочки, и мальчики.

А нас с ней, кроме одного случая, ничего не связывало. Абсолютно ничего.

Она подняла голову и, неожиданно дернув меня за руку, бросила:

– Бежим.

Я не выпустил ее руки. Мы мчались прочь от школы. Снова гаражи, петляющая тропка через пустырь и огромное по-

ле, за которым текла речка.

– Отдышись, – я слышал, как она задыхается от быстрого бега. – Сядь.

Но она, оступившись, внезапно прильнула ко мне. Я не выдержал: сжал ее в охапку и стал целовать. Ни тени сопротивления – она руками лишь крепче обвила меня за шею. Я не мог передать этого волшебного ощущения скользкой, будто холодящей, ткани платья и девичьей фигуры в моих руках.

И этим мгновениям пришло время прекратиться.

Теперь задыхались мы вдвоем. Опустились на траву.

– А помнишь, как мы поцеловались тогда за гаражами? – Аленка приглаживала разметавшиеся волосы и улыбалась.

«Помню ли я?! Да я из башки выкинуть не могу ни на секунду!» – я снова притянул Аленку к себе и лицом зарылся в ее локоны, целуя шею сзади.

– Хватит! – оттолкнула она меня, смеясь. – У меня расчески нет с собой. Буду сейчас, как ведьма.

– Я каждый волосок распрямлю и положу на место, – заверил я ее, не в силах отпустить от себя. Аленка смолкла, поправляя подол сбившегося платья и не думая отстраняться от меня. Я уткнулся носом ей в плечо, вдыхая аромат разгоряченной кожи. Провел пальцами по ее голым тонким рукам. Я никогда не знал, что чудо способно входить без стука: сразу и само по себе. Я всегда думал, что это привилегия только горя и боли.

Я обнял Аленку, которая сидела ко мне спиной. Мы смотрели на потухающее небо.

...Я услышал ее визг на спортивной площадке около школы поздно вечером. Аленка шла домой от подруги и решила срезать путь, не зная, что площадку для своих посиделок давно облюбовала районная шпана. Пацаны там курили, выпивали, играли на гитаре. Это было местом «стрелок», «сходок» и прочих «базаров».

Меня знали и боялись. Поэтому со мной никто связываться не стал, когда я выскочил на площадку. Аленка с испугом тогда обернулась, я увидел ее слезы. Она, наверное, подумала, что я тоже с ними заодно. Не знаю, что они хотели от нее, скорее всего, просто поглумиться. От меня они врассыпную не ринулись, но от Аленки тут же, словно небрежно, отошли и заняли прежние места на бревне.

Подойдя к ней вплотную, я коротко сказал:

– Я провожу тебя, идем.

Аленка оглянулась на притихшую компанию, потом посмотрела на меня. Не знаю, кого она в тот момент боялась больше.

– Идем, – повторил я будничным тоном. – Завтра будет геометрия или нет? Контрольная должна быть. Или на следующей неделе? Ты не знаешь?

Я сделал несколько шагов и услышал, что Аленка робко двинулась за мной.

Заворачивая за гаражи, она замедлила шаг.

– Не бойся, – обернулся я к ней. – Я просто провожу тебя. Хочешь, буду идти от тебя на пять метров дальше? Не ходи через эту площадку вечером.

Аленка кивнула и подошла ко мне. Наши взгляды встретились. Что произошло дальше, мы не поняли. Я помню только прохладные губы, горячие щеки и ее озябшие ладони.

Я проводил ее до дома, а на площадке первого этажа все повторилось вновь с небольшими изменениями: горячие губы, прохладные щеки, теплые руки и озябший нос. Я стоял бы в этом подъезде вечно. Я умер бы там, и счастливее меня никого на свете не было бы. Но где-то хлопнула дверь, и Аленка, оттолкнув меня, убежала по лестнице наверх.

И все.

Мы даже не здоровались в школе, как и раньше. Все было по-прежнему. Кроме редких мимолетных взглядов. Настолько редких, что их можно было бы причислить к случайным...

– Ты не замерзла? – я старался обнять Аленку так, чтобы прохладный вечер и сырой воздух от реки не тронули ее кожу. Теперь я касался Аленки смело. Терся носом о ее затылок, щекой прижимался к ее плечу, целовал ухо, подбородок и пытался дотянуться до ее губ.

Аленка пожала плечами в ответ.

– Пойдешь на вечер? Я провожу. Могу до угла школы, чтобы нас вместе не видели. Выпускной, все-таки. Пойдешь? – снова предложил я.

Аленка решительно замотала головой в знак отрицания.

Это был самый восхитительный немой ответ, который только может быть. И самый чудесный выпускной, которого не было.

Небо совсем почернело, а мы все не могли нацеловаться.

Аленка окончательно продрогла. А укрыть мне ее было нечем, я сам выскочил из дома в одной рубашке.

– Домой? – уточнил я, поднимаясь и беря ее за руку. Оказалось, что существует еще более восхитительный ответ – упрямое: «Нет!»

– Пойдем ко мне? – прошептала она, когда мы дошли до гаражей.

У меня словно лопнула голова и разорвалась грудная клетка. Я не смог ничего сказать. Аленка тянула меня за собой...

– Ступай осторожно. Дед глуховат, и ложится рано, – Аленка прикрыла калитку, сняла босоножки и шикнула на пса. Тот убрался в будку.

Мы обогнули дом и вошли на терраску со стороны летней кухни. Тихо щелкнул засов изнутри, и Аленка повернулась ко мне...

– Больно было? – я не знал, как загладить то, что произошло.

Аленка мило дернула плечами и неуверенно улыбнулась, уткнувшись мне в грудь. За стеклами занимался рассвет. Я целовал ее, как только мог. Мне хотелось забрать ее боль се-

бе. Я целовал ее всю. У меня дрожали руки, когда я гладил ее.

– Совсем не больно, – тихо сказала Аленка. – Совсем.

Но я навсегда запомню ее сдавленный стон и закусенные губы в тот момент, когда я уже не смог остановиться.

– Прости меня? – я заглянул Аленке в глаза. – Прости?

– Никита, ты – дурак, – важно ответила она, а ее руки снова стали опускаться по моему телу.

– Что ты делаешь? – я не пытался ее остановить.

– Тоже самое, – еле слышно прошептала она. И повторила: – Тоже самое.

Я закрыл глаза. Меня разрезало на части. Я старался передать ей хоть часть того наслаждения, какое испытал я. Очень хотелось, чтобы Аленка это почувствовала тоже. Тоже самое...

Мы покинули террасу часа в четыре утра. Добежали до гаражей.

– У тебя волосы пепельного цвета, – Аленка обняла меня.

Нужно было прощаться, пока нас не увидели вместе.

– Такого не бывает цвета, – улыбнулся я.

– Бывает. Но только у тебя.

– Что ты дома скажешь? – с тревогой за Аленку, спросил я.

– Выпускной же был. Не думаю, что кто-то меня ждал дома раньше. А наши ребята, еще, наверное, гуляют.

– Ваши, – непроизвольно поправил я ее, чуть нахмутив-

шись.

– Хорошо, – засмеялась она. – Ребята, которые учились с нами в одном классе, наверное, еще гуляют. Так подойдет?

– Более чем.

– Я побегу домой?

– Конечно, – я еще держал ее за руку, но уже чувствовал потерю. Пара мгновений, несколько взглядов, один поцелуй.

И все.

Неохотно просыпается небо с перламутровым оттенком, чуть подрагивает изумрудная листва, хрипло продирают глотки петухи, на траве сверкает бриллиантовая роса, земля уходит из-под ног, а Аленки уже рядом нет.

Как и раньше.

Но чудо успело оставить след в моем сердце. Теплое и прохладное, как первый поцелуй; волнующее и пронзительное, как первая близость; близкое и далекое, как Аленка; незнакомое и родное, как любовь...

Я проснулся, когда на улице стемнело. Испуганно чиркнул спичкой, подозревая, что проспал автобус. Взглянув на часы, я облегченно дунул на пламя и включил настольную лампу. Торопливо оделся.

Мысленно извинившись, я перемахнул через забор очередного палисадника. Ножиком срезал охапку цветов и снова понесся к Аленкиному дому. Через пару часов дверь ее квартиры была наполовину завалена всевозможными цветами. Правда, это было похоже на стог, но сверху я украсил по-

лучившееся не слишком гармоничное единство розами, сре-
занными в городском саду. На мое счастье, двор Аленки был
пуст, и в подъезде мне никто не встретился.

Я суетливо запихивал заранее приготовленные вещи и
книги в сумку. Услышав шум в коридоре, потушил свет в
комнате и замер, пока звуки не переместились на кухню. По
деревянному полу я ступал осторожно, чтобы не скрипнуть
половицей и не задеть что-нибудь в темноте.

Перевел дыхание лишь в подъезде.

Удаляясь от дома, я ни разу не обернулся.

Автовокзал был практически пуст. Оставался лишь один
последний рейс.

Поскольку автобус был не полон, я пересел на задние си-
денья. Скинув ботинки, я удобно развалился на шести по-
следних сидениях. Положил сумку под голову и смотрел, как
огни города становились реже, пока не исчезли совсем.

Эмиль

Дом, где жил сумасшедший фотограф, находился на окра-
ине города. Старик занимал половину первого этажа двух-
этажного каменного дома с очень маленькими окошками.
Отдельный вход к старику располагался за углом дома.
Странная конструкция: с фасада обычный дом с подъездом и
несколькими квартирами внутри, а с другой стороны – вход
в квартиру старика.

Во дворе располагались еще четыре-пять подобных двухэтажных домиков после- или дореволюционного вида. Сам двор был обнесен высоким забором, а вход – в большие деревянные зеленые ворота. В них, наверное, когда-то заезжали лошади с повозками. Детские качели на веревке, собственно, деревяшка на двух канатах, привязанных к отросшей толстой ветке дерева. Полуразрушенные фундаменты бывших флигельков внутри двора. Будто оторванное от города место. В нем было незримое очарование, но уж очень все было убого. Первые этажи словно уходили в землю год за годом. Крохотные окошки были очень близко к земле. На улицу города выходили два дома, между которыми и располагались эти ворота. Нырнешь – а там еще дома и заросший двор. Двери подъездов открыты, где-то бегают дети, висит белье на веревках. Неопределенная смесь из города и деревни в остановившемся времени лет сто назад. Я и не знал, что у нас в городе есть такие места. Чем-то оно мне понравилось.

Квартира старика, а точнее, много комнат походили на мастерскую. В одной висели на стенах и стояли на полу работы. Это были и картины маслом, и углем, и здоровенные фотографические холсты. Как это все правильно называется, я не знаю, и художественной ценности я не признал ни в чем, что увидел. Но меня привели в восторг и жесткий кожаный диван с круглыми валиками по бокам, и низкая абажурная люстра над круглым столом, и некрашенные скрипучие полы с узкими половицами, и облезлые двери.

Эмиль, наоборот, что-то смыслил в искусстве, поэтому с интересом разглядывал работы, а я, как замороженный бродил по этому пространству. В другой комнате стоял топчан, застеленный пледом, который был связан вручную, как вязались половики. Узкие полосы на нем были всевозможных цветов: красные, черные, синие, желтые, коричневые. Рядом стояла открытая с двух сторон этажерка, выполнявшая роль ширмы. На ней где в ряд стояли книги, где были навалены журналы и газеты. Стояли кисти, маленькие коробки, баночки с растворителями, тюбики с красками. И тоже свисала с потолка лампа с абажуром. Пара комнат была закрыта. Следующая комната была большой, но я не нашел, где зажечь свет. В темноте только заметил стоящие мольберты с холстами на них.

Я точно попал в другое время, или, вернее, это прошлое состарилось в настоящем. Состарились стулья с обитыми спинками, какие я видел только на картинках, состарились столы, и удивительно жесткие кожаные кресла. Будто все ссохлось, половицы норовили провалиться под ногами, оставшаяся кое-то неопределенного цвета краска на стенах и дверях шла морщинами трещин, и твердые ошметки отслаивались и загибались по краям, точно сгоревшая на солнце кожа. Я провел пальцем по стене, под ним посыпалась старая побелка.

Я вернулся в комнату с круглым столом. Сел на диван и закурил. Пока Эмиль разговаривал со стариком, я никаких

признаков сумасшествия у фотографа не заметил.

«Что-то Эмиль говорил о призраках, – вспомнил я, и мне стало весьма любопытно. В квартире царила такая атмосфера, что становились неувидительными любые паранормальные явления.

Я закрыл глаза и прижал к ним ладони: приглушенный голос старика, мягкий шум шагов Эмиля, тягучий скрип половиц под ногами, стрекот кузнечиков с улицы и что-то еще. Акустика была необычной в просторном коридоре и полупустых помещениях. Но не только это. Казалось, я почувствовал дыхание дома. Как живого. Не слышал, но чувствовал.

– Никита! – окликнул меня Эмиль. – Ты чего?

– Ничего, – отнял я руки от лица и открыл глаза. – А что? Эмиль покачал головой.

Старик вошел с аппаратом:

– Думаю, этот вам подойдет.

– Что за модель? – поинтересовался я.

– Ты будто в них разбираешься, – осек меня старик. – Говорю, хороший, значит хороший. Иди, покажу, как настраивать, если собьется. Фотопленку дам черно-белую. Фотографическая широта здесь на уровне. Вам достаточно. Отпечатывать где будете? Бумагу дать?

– Мы для хранения, – ответил Эмиль. – Нам печать в крайнем случае может потребоваться.

– А-а-а, – протянул старик. – Добро. Принесете, я сам отпечатаю, когда захотите. Принесу пленку.

– Эмиль, – зашептал я. – Ты что-то о призраках говорил.

– Не я. Так говорят, что старик схимичил такую пленку, что, фотографируя пространство, там можно поймать умершие души.

– Давай спросим?

– Слушай, мы пришли за фотоаппаратом. Он нам в полцены отдает. Еще и пленку бесплатно. Сделали дело и пошли отсюда. Вдруг старика обидим.

– А это он рисует? – кивнул я на картины.

– Да.

– Почему тогда его называют фотографом, а не художником?

– Отстань ты, – глянул на меня Эмиль. – Что за вопросы?

Старик проводил нас до входной двери, которая была распахнута. Над ней висел фонарь. Такой же старый, как и дом. Лампочка выступала из-под колоколообразного металлического корпуса с широкими полями.

В нос ударил густой и насыщенный ночной воздух. А впереди – мгла: двор не освещался.

– Темень-то, – проворчал старик. – До ворот провожу вас.

– А можно сфотографировать призрак? – не выдержал я.

– Ты снимай, что тебе положено, – старик потянул за кольцо, и ворота с мягким скрипом разошлись, шурша нижним ребром по траве. – И не лезь, куда дороги нет тебе больше.

Мы с Эмилем переглянулись.

– Идите, – попрощался старик.

– Я понял, почему он фотограф, а не художник, – сказал я по дороге домой. – Фотография отображает то, что есть на самом деле, а на картине изображается воля художника. Фотограф – это настоящее, а художник – это прошлое.

– Почему прошлое? – безучастно спросил Эмиль, поглощенный своими мыслями о предстоящем новом проекте.

– Художник пишет исходя из собственного воображения. А оно базируется исключительно на нематериальном накопленном багаже прошлого, взятого из подсознания. И любые мечты, как любое будущее, это всего лишь ростки корней прошлого.

– Я не понимаю связи со стариком.

– Я тоже.

– А что ты тогда распинаешься?

– Сам не знаю, – ответил я. – Настроение такое.

Я замолчал на пару кварталов, а потом продолжил:

– Фотография – это, знаешь, что? – поскольку Эмиль мог беседовать только на темы электрического тока или близкие к ним, то ответа я и не ждал. – Это искусство манипулировать светом. А что в нашем понимании олицетворение света? Добро, любовь. Следовательно, наше настоящее будет настоящим, если есть источник любви.

– Ты заткнешься, с любовью спрашиваю? – доброжелательно поинтересовался Эмиль.

– Да, – подумав, ответил я. – Я, в принципе, все сказал.

Когда я вернулся от фотографа, Марина с недовольным

выражением лица взглянула на меня, оторвавшись от книги. Она листала пособие для будущей матери. Не дождавшись извинений с моей стороны, Марина демонстративно погасила свет и легла спать. Меня это отнюдь не расстроило. Ужин в одиночестве мне представлялся более увлекательным занятием.

На плите в сковородке оставалась жареная картошка. Я неспешно поел, поставил чайник, и, открыв окно, закурил. Спокойно попив кофе, я принял ванну и пошел в комнату. В квартире стояла тишина, точно я находился в ней один. Давно у меня не было такого умиротворенного вечера. Очевидно, что мне лучше без Марины.

«Но как теперь «без»?» – я поднял ее пособие с пола. Не думаю, что Марину оно интересовало. Я уверен, что это часть спектакля: «я хорошая, ты плохой».

Я забрался под одеяло, и Марина тотчас сделала движение навстречу мне, но я не нашел в себе отклика. Я не отождествлял ее больше с желанной женщиной. Марина могла теперь жить со мной до конца дней, быть покладистой женой, хорошей матерью, хозяйкой моего дома, возможно, она могла бы стать мне товарищем, но не моей женщиной. Что-то треснуло в наших отношениях, если оно вообще когда-то было. Я не стал пересиливать себя и отвернулся. Марина отодвинулась на самый край.

Долго я не мог заснуть, думая то о фотографе, то о Марином ребенке, который решил за меня мое будущее. Поче-

му-то я подсознательно не мог назвать его своим, и даже не понимал, кто виноват: я или Марина.

Я мучительно и болезненно для себя представлял на его месте такого же мальчишку, как мой Данька, чтобы уже сейчас начать любить и ждать его появления. Но у меня ничего не выходило.

Марина похрапывала на другом краю дивана.

Аленка

Все лето я работал на железнодорожном вокзале. Как я не хотел вычеркнуть свое хулиганское прошлое в новом городе из своей памяти – ничего не получилось. Выгружать вагоны, хоть и не почетная работа, но крайне труднодоступная и востребованная среди таких, как я. На вокзале дежурила своя блатота, которая распределяла составы и забирала часть денег. Прошло три недели, прежде чем я занял прежнюю, привычную мне, позицию. С небольшой разницей: я не отбирал денег и честно работал, хотя мог бы этого не делать, присоединившись к «блатному косяку». Но я не стал слишком близко вливаться в данное общество. То, что я хотел, я получил: фронт самых выгодных работ в любом количестве. И денег с меня никто не требовал.

Я видел несправедливость, царящую здесь, но не встречал. Мне решительно было наплевать и на тех, у кого отбирали деньги; на тех, кто отбирал; на тех, кому не достава-

лись вагоны. Я не собирался из-за кого-то нарываться на поножовщину или быть под прицелом у дежурившей милиции. К слову говоря, она тоже имела свою долю. Ее отстегивал «блатняк» за негласное разрешение властвовать на этой территории. Поэтому нередко драки за ее передел заканчивались смертью, которая банально трактовалась: «заснул пьяный на путях», «перепрыгивал через ограждения и упал под поезд» и прочее.

Ночевал я или здесь же под навесом, на деревянных ящиках, или в зале ожидания.

Мыться ходил в городскую баню. От тяжелой работы поначалу болело все тело. Но вскоре я заметил, что болит преимущественно от неправильного подъема тяжестей, от того, что неравномерно нагружаются группы мышц, и от неправильного чередования работы и отдыха. Я стал заниматься. В свободное время я бегал вдоль реки и заглядывал на спортивные школьные площадки, продолжая изобретать для себя упражнения. Самой лучшей была площадка около спортивной школы легкой атлетики, но, к сожалению, школа располагалась далеко, под охраной высокого забора и сторожа. Я посещал ее глубокой ночью и не чаще раза в неделю. Но там были нормальные спортивные снаряды, а не только всевозможные перекладыны. К концу лета до меня дошло, что я не догадался плавать в реке. Это было серьезное упущение. Заплывы в прохладной августовской воде дарили бодрость и отдых всем мышцам, а также крепкий и восстанавливаю-

щий сон. Такой, что за час я мог выспаться как за все четыре. Разминка в перерывах между мешками, тюками и ящиками повышала мою производительность и снимала напряжение. Я вычислил, что она прибавила мне полтора раза от того, что могли за день сделать самые крепкие парни. А уставал я меньше.

Осенью дали общежитие от института, в который я поступил.

Я застелил узкую койку, расставил бабушкины книги на полку над кроватью. На письменный стол поставил новенькую настольную лампу, которую купил сразу по заселению.

Первый раз за три с половиной месяца я лег на кровать и с непривычки долго не мог уснуть, пока, измучившись, не скатился с подушкой на пол.

Даня

– Пияники! – прыгал Данька, когда я вошел в комнату.

– Это не сейчас, – протягивая ему один, сказал я и достал вазочку со шкафа. Высыпал пакет в нее и поставил на стол. – Буду заниматься, а ты будешь их грызть, когда захочется. Это только для занятий.

Данька кивнул, уплетая угощение. Доев, вытер рот ладошкой и ее же тщательно облизал. Посмотрел с вождением на вазочку, но больше не взял.

– Шумели? – кивнул я на дверь.

Данька торопливо закивал.

– Кичали и стучали.

– Ты не боялся? – спросил я так, чтобы стало ясно, что пьяные люди за стеной – сущий пустяк для пятилетнего малыша, который шесть часов просидел у облупившегося подоконника на жестком стуле в ожидании меня.

– Не-ее, – выпятил он нижнюю губу. – И не думал. Я занят очень был.

– Чем? – переодевая штаны, засмеялся я.

– Листочки считал! – Данька подбежал с листком бумаги ко мне. Неровные ряды палочек украшали полстраницы. – В каждой палочке пинадцать листочков желтых упало. А касные с куста я не считал, потому что ветей мешал.

– Ты какое дерево обсчитывал? – я сел на бабушкину кровать, которая теперь стала Данькиной.

– Беезу, – ответил Данька и подошел ко мне.

Взглянул мне в глаза, и обхватил меня за шею руками изо всех сил. Так и стоял. Я гладил его по спине, чувствуя весь его вечный страх перед родителями, томительные часы ожидания, невыносимое одиночество в четырех стенах и безмолвное гигантское терпение к не очень счастливой жизни. Мне надо было обратить все в шутку, растормошить Даньку, пощекотать, засмеяться – все, что угодно, лишь бы стряхнуть с него запредельные и для взрослого эмоции. Так я обычно делал, и Данька легко переключался, или делал вид, что переключается. Но сейчас я не смог произнести ни звука, не

смог сделать ни движения. Я сам был в Данькином состоянии, и нам обоим нужно было немного времени, чтобы привести души в порядок. В мужской порядок строгой дисциплины и контроля над чувствами, которые могут выжечь все до тла. Лица Даньки я не видел, но знал, что он часто-часто моргает. Слез у него не было ни разу с тех пор, как он гордо поднялся с колен, перехватывая пальчиками ножку железной бабушкиной кровати.

Я гладил и гладил его по спине, смотря в окно. Накапывал небольшой дождь, заставляя раздеваться березу дальше, а маленький Данька давно уже стал мне примером исключительной мужественности.

– Погулять нам не удастся сегодня, – справившись с собой, я отстранил его от себя. Подтянул ему колготки. – Но я и не планировал. Мне надо позаниматься, и мне нужна твоя помощь.

Данька с готовностью метнулся за стулом, который все еще стоял у подоконника. Потачил его к столу.

– Чай принесу, – поднялся я.

В углу на кухне сидел за столом отец с опущенной головой над тарелкой, в которой лежали соленые огурцы. Когда я вошел и поставил чайник, отец приподнял голову и метнул на меня мутный взгляд. Мне кажется, он совсем не понял, кто вошел на кухню, и что вообще кто-то появился рядом. Поэтому я спокойно стал рыться по ящикам в поисках съестного. В холодильнике к моему величайшему удивлению я об-

наружил две бутылки молока и сетку яиц, в шкафчике перловую и гречневую крупу, бутыл с растительным маслом, в хлебнице – два батона белого хлеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.